

НОВОТРОИЦКОЕ КУЛАЦКОЕ ВОССТАНИЕ

Кулаки – самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры, не раз восстанавливавшие в истории других стран власть помещиков, царей, попов, капиталистов... Эти кровопийцы нажились на народной нужде во время войн, они скопили тысячи и сотни тысяч денег, повышая цены на хлеб и другие продукты. Эти пауки жирели насчёт разорённых войною крестьян, насчёт голодных рабочих. Эти пиявки пили кровь трудящихся, богатея тем больше, чем больше голодал рабочий в городе и на фабриках. Эти вампиры подбирали и подбирают себе в руки помещичьи земли, они снова и снова кабелят бедных крестьян.

Беспощадная война против этих кулаков! Смерть им! Ненависть и презрение к защищающим их партиям: правых эсерам, меньшевикам и теперешним левым эсерам! Рабочие должны железной рукой подавить восстания кулаков, заключающих союз против трудящихся своей страны с чужеземными капиталистами.

В.И. Ленин. Избранные сочинения в шести томах. Том IV, стр. 415 – 416.

1.

В бывшей Новотроицкой волости и в ряде окружающих её волостей (в настоящее время Мишкинский, Старо-Балтачевский и Кара-Идельский районы) в июне 1918 года вспыхнуло кулацкое восстание против советской власти.

Кулачество, офицерство и поповщина жестоко расправились с лучшими представителями бедноты и батрачества, активными и преданными советскими работниками, зверски замучив и растерзав их.

Чтобы яснее представить себе новотроицкие кровавые события, необходимо охарактеризовать дореволюционную жизнь бедноты и её взаимоотношения с кулачеством.

Новотроицкое – большое торговое село, многоземельное, окружённое небольшими пахотными владениями помещиков, башкирскими дачами с пахотными, сенокосными и лесными угодьями, где для аренды кулачеству был широкий простор. Кулаки занимались торговлей хлебом и промышленными товарами, в их же руках были сосредоточены лучшие большие участки земли. Три ярмарки в году и еженедельные базары привлекали к себе население не только Новотроицкой волости, но и других волостей и даже уездов. Кустарная промышленность, – колёсная, кузнечная, – сосредоточенная в руках кулачества, имела сбыт за пределами волости. Новотроицкое кулачество имело торговые связи с кулачеством Дувана, Аскино, Богородского, Бураево, Дюртюлей, Топорнина и других крупных торговых пунктов.

Новотроицкие кулаки и торговцы всяческими путями выжимали из бедноты свои доходы. Бедняки и батраки фактически находились на положении крепостных этого кулачества и безропотно переносили все их издевательства.

Большие лучшие участки земли захвачены были кулачеством в виде «заповедников» около их пасек и на так называемых «чищобах» (заповедники – огромные участки земли, кулачество пользовалось им совершенно бесплатно). Полоски бедняков сгонялись к болотам, где истощённая подзолистая почва давала урожай всего сам-три, - четыре, обесценивая труд крестьянина и не давая возможности прокормить семью. Многие земли находились под лесом и пастбищем, где паслись большие, улучшенной породы, стада крупного и мелкого скота кулаков и уныло бродила коровка-горемычка и овца-замухрышка бедняка. Лес был разделён на паи и в голодный 1901 год продан был беднотой кулачеству за бесценок. Рощи лучшего строевого леса находились во владении кулачества. Всеми лучшими угодьями пользовалась верхушка деревни, а подати и все натуральные повинности выполнялись уравнительно с души.

По сбору податей применялись самые суровые меры, а сборщиком податей обычно избирался зажиточный или торговец. Он, собирая подати с бедноты, добивался заключения кабальных сделок или на скупку хлеба, или на работу за низкую плату.

Чаще всего скарб бедняка продавался с торгов за неуплату податей и других платежей.

У бедноты не хватало хлеба на год, а потому приходилось каждому бедняку весной брать его у кулака в долг.

Цены на хлеб весной поднимались до 1 рубля 50 копеек за пуд. Бедняк брал хлеб у кулака в долг под заклад какого-либо имущества, по 1 рублю 60 копеек за пуд. Осенью он должен был возратить хлебом же на эту сумму, но уже по цене 35 – 40 копеек за пуд. Итак, бедняк, взявший в долг 20 пудов хлеба по 1 рублю 60 копеек за пуд, осенью должен был возратить кулаку 80 – 90 пудов по 40 копеек за пуд, на сумму долга в 32 рубля. Кроме того, кулак накидывал 10 копеек – «божеский» процентик, как он говорил, на каждый пуд. За этот процент бедняк должен был отработать кулаку в сенокос или в уборку урожая за плату от 10 до 30 копеек в день. За 20 пудов у бедняка вырывается не менее 10 дней в лучшую погоду на уборку урожая кулака. У кулака хлеб убирается своевременно, а у бедняка «ветер точит зерно, птица клюёт его».

Эксплуатировались даже девятилетние дети бедняков – иногда за 5 рублей в лето, а иногда просто за кусок хлеба.

Кулачество держало в цепких когтях жестокой эксплуатации бедняков и соседних деревень. У граждан деревни Атнагуловой, Татарбаевой, Мрясимовой и других арендовало землю и луга за бесценок. Рабочей силой пользовалось из деревень Карыги, Богданова, Рефанды, Бирюбаш и др. Кроме всех этих видов грубой эксплуатации систематически проводилось понижение осенью и понижение весной цен на хлеб, удлинение рабочего дня (иногда до 20 часов) и т.д.

А духовенство в еженедельных проповедях громогласно провозглашало: «Терпи! Претерпевай же до конца – спасётся. На том свете будешь наслаждаться райской жизнью, и лицезреть бога. Богатому труднее пройти в царство Божие, чем верблюду в игольное ушко».

Кулак, слушая такие проповеди, только ухмылялся. А бедняк верил попам, верил в лучшую загробную жизнь и терпеливо переносил страдания.

Только немногие тогда открыто шли против кулаков в своём селе. Так, новотроицкая беднота добилась в 1906 году передела земли по жребью, по наличным душам мужского пола. За это был убит кулаками староста Епифан Накаряков, руководитель бедноты. Убийство было обойдено молчанием, на бедноту же обрушилась вся администрация в лице полиции, земского начальника и старшины – искали «крамольников» и «смутьянов».

Кулачество всеми мерами задерживало просвещение бедноты. Оно создало общественное мнение, что бедняку учиться – позор.

– Только лодырь может бегать в школу, когда в семье голод и нищета. Надо побольше работать.

Косо смотрело кулачество на грамотную, революционную бедноту.

Великой радостью забились кулацкие сердца, когда грянул гром империалистической войны, возвестив о мобилизации. «Война, война! – кричало кулачество. – Спасайте отечество, спасайте веру и царя-батюшку!». И записывалось оно добровольцами, в подрядчики и поставщики кустарных изделий для армии – колёс, экипажей и упряжи.

Гудели церковные колокола, под звон их лились молитвы попов о даровании победы «православному воинству».

Кулачество с наружной заботливостью провожало мобилизованную бедноту. Тут и поп с крестом и кропилом, тут и подарки из медных крестиков и дешёвеньких папирос, тут и обещание служить панихиды по «погибшим на поле брани – за веру, царя и отечество»...

Наружная заботливость и сокровенное глубокое пожелание: «первая пуля в лоб» – сопровождали мобилизованных. Провожая с таким пожеланием бедноту, кулачество получало её землю и в придачу их семейства в фактическое крепостничество.

Беднота, пришибленная, придавленная кулаком, попом, урядником и

земским начальником, не зная лучшей жизни, считала, что всё это нормально.

И в октябрьские дни, когда передовая часть новотроицкой бедноты подхватила призыв большевиков и повела борьбу с кулачеством, общая масса бедноты шаталась от одного лагеря к другому.

Коварство кулаков велико. Их месть страшно жестока.

Кулаки – бешеный враг советской власти. Либо кулаки перережут бесконечно много рабочих, либо рабочие беспощадно раздавят восстания кулацкого, грабительского меньшинства народа против власти трудящихся. Середины тут быть не может. Миру не бывать: кулака можно и легко можно помирить с помещиком, царём и попом, даже если они поссорились, но с рабочим классом **никогда**»¹.

2.

3-го марта 1917 года в 12 часов дня застучал телеграф. Начальник Новотроицкой телеграфной конторы Канцеров, тряхнув черными, как смоль кудрями, весело порхнул к аппарату принимать телеграмму. Но в тот же миг чёрточки и точки на ленте изменили его настроение, широко раскрытые глаза застыли от ужаса.

– Революция! – пронеслось в воспалённом от страха мозгу верного царского чиновника.

Опомнившись, Канцеров наскоро переписал прыгающими буквами телеграмму на листок бумаги и бросился на квартиру к приставу Гарину, своему закадычному другу...

Гарин назначил в этот же день вечером совещание.

На совещание к Гарину собрались: Канцеров, старшина Малинин, землевладелец и торговец Туров Григорий Архипович, поп Таланкин, купец Соловейкин и урядник Привалов.

Совещание затянулось за полночь. Всем была дана установка, как нужно действовать.

10-го марта 1917 года созван был 1-й Волостной Народный съезд, на котором все «делегаты» были из зажиточно-кулацкой верхушки деревни, беднота изнывала на фронтах.

Съезд после длительных обсуждений решил – революцию «признать», поскольку она «совершилась и диктуется сверху», избрать в народный комитет «самых лучших людей» – пристава Гарина, попа Таланкина и фельдшера Кисмерешкина В.Л. Все делегаты облегчённо вздохнули и в приподнятом настроении разъехались по домам, вполне уверенные, что дальше этого революция не пойдёт.

11-го марта из Бирска пришло распоряжение об отстранении пристава, роспуске стражников и перевыборах Новотроицкого волостного «народного комитета».

Снова волостной съезд «представителей народа». Опять те же оплывшие жиром с елейными лицами и обвисшими животами, в суконных шубах явились на съезд. На этом съезде они выбрали снова «революционный» состав Народного комитета, куда вошли: Туров Григорий, известный новотроицкий кулак, землевладелец и торговец; Шерстобитов П.Ф., иткулинский кулак Симонов Алексей, и другие.

3.

Для борьбы с капиталистическими элементами, а главное, с кулацким «Народным комитетом», и для разоблачения их агитации в селе Новотроицком была организована Революционная солдатская организация, куда принимались только батраки, бедняки и некоторые из маломощных середняков.

Эта организация поставила себе задачу – разбираться совместно, коллективно в сложных вопросах революции и на основе этого начать решительную борьбу с кулачеством и разоблачать его контрреволюционную

¹ В.И. Ленин. Избранные сочинения в шести томах, том IV, стр. 415.

агитацию.

Первыми организаторами и вдохновителями РСО были: учитель Веселов А.Г., самоучка из бедняков; крестьяне бедняки и батраки – Южаков Степан Степанович, Луканин Григорий Матвеевич, учительница Чистякова Мария Семёновна из бедных мещан города Бирска; агроном Иван Иванович Свицерский (брат недавно умершего большевика А.И. Свицерского) и Вострецова Феоктиста Никифоровна, зав. читальней, из Артакула бедняки – Смолянов Владимир Васильевич, Зязев Лев Максимович, Шуганов Максим Алексеевич; из Худяковки – Батраков Алексей Павлович; из Накаряковой – Пашков Фёдор Андреевич.

С первых же дней Революционная солдатская организация в своей агитационной работе столкнулась с тем, что под руками не было ни революционной литературы, ни даже газет. Кроме буржуазных – «Московские ведомости», «Русское слово», «Биржевые ведомости» и др. Только во время I-го Уфимского Губернского Съезда крестьянских депутатов делегатам от Революционной солдатской организации удалось достать несколько брошюр большевистского и эсеровского издания и выписать большевистскую газету «Вперёд» и эсеровскую «Земля и воля». И вот только на этих материалах и воспитывалась Революционная солдатская организация.

– Как политически неграмотны мы были тогда, – говорит руководитель Революционной солдатской организации товарищ Веселов А.Г., – видно из следующего факта. Мы не могли разобраться в вопросе – что такое национализация и социализация земли. Пришлось агроному Свицерскому по этому вопросу обратиться письменно за разъяснением в Уфу, к своему брату Свицерскому А.И.

Воодушевление, спаянность, энтузиазм фронтовиков позволили быстро развернуть воспитательную работу среди населения и разоблачать кулацкую агитацию. Революционная солдатская агитация крепла, обрастая массой бедноты, пока ещё неустойчивой и шаткой.

Вскоре из массы выделились своей революционностью и устойчивостью: Черепяхин Михаил Иванович, Чураков Дмитрий Захарович, Накаряков Александр Гаврилович, Охезин Константин Харлампиевич, Зелёнкин Иван Егорович, Осетров Алексей Семёнович, его сын Дмитрий, Овчинников Леонтий, фельдшер Осетров Дмитрий Трофимович, Пантелеев Яков Мокоевич и другие – человек 120 по всей Новотроицкой волости. Почти в каждой деревушке была создана ячейка Революционной солдатской организации.

Огромное удовлетворение и энтузиазм охватили руководителей, когда набралось в организации 120 человек. Рады были всякому сочувствующему борьбе за революцию, хотя и предвидели, что из всего этого количества окажется искренних, твёрдых и устойчивых – третья часть, не больше.

Революционная солдатская организация с первых же дней своего существования, наряду с политическим воспитанием масс занялась разрешением практических вопросов по улучшению быта бедноты. Она требовала от кулацкого «Народного комитета» снижения цен на хлеб, протестовала против спекуляции хлебом, настаивая на сдаче его зажиточными и кулацкими хозяйствами государству, добивалась на собраниях, съездах и сходках постановлений об установлении твёрдой или пониженной платы на пахоту, посев и возку снопов безлошадным хозяйствам бедняков, солдаток и инвалидов войны. Кулачество во главе с «Народным комитетом» оказалось в большом затруднении: если не выполнять постановления и вопреки постановлениям не снижать цен на хлеб и оплату на пахоту, то придётся разоблачить свой обман, что «мы ваши друзья» – как всегда хвалились и козыряли кулаки, если же выполнять постановления и снижать цены, значит, признать себя побеждёнными. А главное – упускалась возможность наживы. Это тоже входило в расчёты кулачества. Оно действовало нерешительно.

Эта нерешительность подмечена была и беднотой. Кулаки, в лице

«Народного комитета», официально согласилась во всем, и даже сам председатель Народного комитета Туров согласился издать постановление о воспрещении продажи хлеба мешочникам-спекулянтам и из своих собственных складов отпустил 100 пудов хлеба по твёрдым ценам нуждающимся, по указанию Революционной солдатской организации. Это было за три недели до снятия нового урожая, как раз в тот период, когда беднота больше всего нуждалась в хлебе. Когда Туров согласился на это, то Вострецова пришла в восторг и, хлопнув в ладоши, воскликнула:

– Вы, Григорий Архипович, наш!

Веселов молча покосился на неё, а потом, после совещания, сказал ей:

– Помещик лапотнику не товарищ. Никогда он не был наш и не может быть нашим. За ним нужно зорко следить. А то он может наделать таких дел, что долго придётся помнить. Он хитрый и опасный враг, не забывайте этого.

Действительно, Туров официально соглашался почти на всё, а на закрытых тайных заседаниях и собраниях кулачества ставил вопрос о разгроме Революционной солдатской организации и вёл дело к тому, чтобы убрать с дороги Веселова и Луканина – или арестовать, или «совсем вывести из строя». Насчёт ареста их он направился в Бирск для переговоров с уездным Народным комитетом.

Кулаки организовали вокруг себя группу подкулачников и через них проводили свою «разъяснительную» работу.

Подкулачники трубили:

– Революцию создали большевики да жида – это самые последние люди на свете, от которых и бог отсекся, и священники их проклинают с амвона, как богоотступников. Все эти каторжники и острожные мутят народ в пользу немца. Они занимаются грабежом и получают деньги от германского императора и снабжают деньгами всех своих агентов, в том числе и нашу Солдатскую организацию, которая подкуплена ими, чтобы мутить добрых людей и создать вражду между богатыми и бедными. А из-за чего враждовать: веками жили вместе!

Так кулачество старалось восстановить массу крестьянства против Революционной солдатской организации, а экономическим нажимом доказать, что революция к добру не приведёт. Церковь же учила в проповедях христианскому смирению и непротивлению злу.

События развёртывались быстро. Созывались съезды, дававшие большевистскую зарядку делегатам, в особенности делегатам. Веселов и Смоляков, побывавшие на I-м губернском крестьянском Съезде в Уфе, стали уже разбираться в происходящих событиях.

Вскоре после губернского Съезда Советов в Уфе созван был Бирский уездный Съезд крестьянских депутатов, на котором учитель Веселов был избран членом Бирского исполнительного уездного комитета. Ему было поручено провести организацию Советов по Новотроицкой и Байкинской волостям. На Новотроицкий волостной Съезд крестьянских депутатов собрались исключительно члены Революционной солдатской организации, уже несколько подготовленные для работы. В первый состав волисполкома вошли: Веселов, Луканин, Южак, Смоляков и Зязев Л.М.

4.

Исполнительный комитет крестьянских депутатов открыто вступил в борьбу с Народным комитетом за овладение беднотой и проведение в жизнь идей Октябрьской революции. Создавалось двоевластие. Борьба была неравная. Народный комитет имел политическую власть и хозяйственно-экономическую силу, Исполнительный комитет не имел ни того, ни другого, но имел силу убеждения и настойчивость в проведении мероприятий по улучшению жизни бедноты: добился снижения цен на хлеб, отпуска леса беднякам для ремонта и некоторых незначительных построек, помощи тягловой силой безлошадным. Под натиском Исполнительного комитета «Народный комитет» и кулаки уступили.

Беднота почувствовала революционное влияние и силу исполкома, поняла политическую родственность Революционной Солдатской организации и Исполнительного комитета и начала переходить на эту сторону, постепенно освобождаясь от влияния кулачества.

После июльских дней все льготы бедноте были ликвидированы, и кулачество с новой яростью и с пеной у рта клеветает на большевиков. Снова РСО и исполком оказываются «подкупленными», «продажными шкурами» и т.д. Тут уже красноречие старика Турова принимает широкий размах. На всех сходках, на собраниях и заседаниях он нагло кричит:

– Вот они каковы, большевики-то! Со своими войну открыли! Кто теперь осмелится оспаривать, что они не подкуплены и не шпионы германские? Кто?! Они там жили, продались немцам, приехали в немецком вагоне, вышли потихоньку и давай народ мутить. Ну и пошла катавасия!.. Сейчас большевиков всех расхлестали дотла. Разгромлены все. А их приспешников и пособников по тюрьмам разбросали. Вот оно, всё в этой газете написано, – потрясал он пачкой газет «Русское слово», – вся, правда, тут. Разбиты! И мы доберёмся до наших совдепчиков! Врут они, когда говорят, что все должны жить равно, в одинаковых условиях. Этого не может быть! Кто может уравнивать, когда сам бог не выравнивал? Взгляните – и в природе нет равенства: одна травка выше, другая ниже, один цветок красивее, другой хуже, один – красный, другой – белый. Пальцы на руке неравны. А посмотрите на людей и сами скажете, что уравнивать нельзя: один из нас хозяйственник, другой – лодырь и пьяница. Нет, этому не быть! Не, допустим, изменять божеские законы! Всё устроено богом с первых дней сотворения мира. Против бога не пойдёшь. Погибнешь, как худая трава в поле. После этого, если ещё кто-нибудь вздумает мутить народ, тотчас же направим в тюрьму, а вместе с ними и тех, кто послушает их, как врагов народа и как помощников лодырей, смутьянов и каторжников!

Несмотря на угрозы со стороны кулачества, Революционная солдатская организация и члены Исполнительного комитета разоблачили ложь и требовали восстановления льгот по уборке урожая безлошадным (пора уборки урожая наступала).

Вскоре после июльских событий началась организация волостных средств. Выборы проводились прямым и тайным голосованием. Эти хваленые «демократические» выборы Новотроицкий Народный комитет, имея власть, старался использовать в свою пользу, неправильно подсчитывая голоса и т.д. Выбранными в земство оказались дворяне зажиточных. Ефимов Александр, Шерстобитов П.Ф. и один из середняков Муромцев С.Ю. Кандидатами стали Симонов Алексей и Колобов Степан, секретарём волостной земской управы был приглашён ярый контрреволюционер, монархист, бывший волостной писарь – Кулешов Василий, вдохновитель всех кляузных дел, деревенский кулацкий «адвокат» старого времени.

Волостное земство, торжественно избранное прямым и тайным голосованием населения всей волости твёрдо начало проводить линию Временного правительства на местах, соглашаясь во всех вопросах с верхушкой кулачества так как, все его члены были из кулаков и только один из семи членов и кандидатов в члены земства, Муромцев Степан Данилович был середняком.

На волостные съезды земских представителей приглашались почётными гостями с правом решающего голоса представители волостного кулачества.

В это же время слабеет Исполнительный комитет и РСО: руководитель Веселов снова уходит в армию, так как отпуск его по болезни кончился.

Южаков С.С. был схвачен подкулачниками и избит. После болезни от побоев, он от активной работы отошёл, замкнулся. Луканин, почувствовав одиночество, редко выступал, к тому же он вскоре заболел.

Кулачество спешило восстановить своё пошатнувшееся положение. Оно создало вокруг себя, а главное, вокруг волостного земства, группы подкулачников и распространяло про большевиков всякие небылицы, подкрепляя их цитатами из

«священного писания», используя всех знахарок, кликуш, ворожей, тёмных стариков и старух с предсказаниями об антихристе.

Слушая небылицы, видя упадническое настроение среди РСО и Исполнительного комитета и чувствуя настроения кулачества, масса бедноты и середнячества постепенно переходили к неверию в революцию, а подкулачники подзадоривали.

– С сильным не борись, с богатым не тянись! Корова с медведем тягалась – одни рога остались.

Кулаки совершенно обнаглели. Они раздували аппетиты: цены на хлеб взвинчивались всё выше и выше, спекуляция хлебом усилилась, началась хищническая рубка леса, все льготы по тягловой силе безлошадным отменили, создались недоразумения и споры. Некоторые из бедняков просили защиты у земства, но волостное земство было орудием и трибуной кулаков в борьбе с советской властью, и неудовлетворённая беднота уходила ни с чем, проклиная революцию.

После Октябрьского переворота 2 декабря 1917 года в Новотроицкое приехал представитель уездного комитета партии большевиков Винокуров П.А., и на волостном съезде крестьянских депутатов, сделал доклад о Великой Октябрьской социалистической революции, и обещал поддерживать связь. С этого времени снова усиливается и укрепляется волостной Исполнительный комитет и РСО, собрания возобновились. 16-го декабря вернулся из армии Веселов.

Снова начала развёртываться работа. Ежедневные совещания, разборы политических событий из газет, а также письменные указания из уездного Исполнительного комитета, частые волостные съезды и ячейковые собрания в деревнях, дали положительные результаты по подготовке кадров работников советских учреждений волостного и сельского масштаба.

Волостное земство окончательно теряет под собой почву, но делает усилия к тому, чтобы показать, что оно есть ещё крепкая государственная власть в деревне. Кулачеством распускается слух: «Земство остаётся навсегда», так как большевики не смеют распустить земство, ибо оно выбрано народом – это одно, и другое – Учредительное собрание соберётся в январе и не позволит распустить его. Кроме того, – большевики сами «боятся управлять, так как все неграмотные». Многие, в особенности женщины, и большевики (неразборчиво).

– Пусть они действуют, если будет удача, то и мы воспользуемся, а если постигнет неудача, с ними расправятся, а мы будем целы.

Вот какими настроениями была проникнута большая часть новотроицкой бедноты и середнячества.

В то же время передовая часть бедноты активно проводит мероприятия по закреплению Октябрьских завоеваний, она решительно сбивает с прежних позиций кулачество, которое уже окончательно потеряло возможность прямо, открыто руководить общественными делами. Оно ушло «в подполье», тайком собираясь, чтобы разобраться в политических событиях и определить своё отношение к ним. Слух о саботаже городской интеллигенции радовал кулаков, и они из него сделали свой вывод:

– Как хорошо будет, когда вся интеллигенция откажется служить! Не справиться им, ей-богу не справиться... Где им, неучам, управлять таким огромным государством! И неделю не продержатся, сами сдадут. Ещё будет на нашей улице праздник. Тогда мы расправимся с солдатской организацией! Небу будет жарко. Ни корешков, ни веток не оставим!

1-го января 1918 года Бирский Совет Народных Комиссаров, в числе четырёх делегатов от уезда, командировал председателя Новотроицкого волисполкома А. Веселова на III-й Всероссийский Съезд Советов в Петроград.

15-го февраля 1918 года Веселов возвратился. По договорённости с уездным Совнаркомом был созван Новотроицкий волостной съезд Советов.

Волостной съезд заслушал доклад об углублении и укреплении революции,

о роспуске уездного земства в Бирске, о необходимости роспуска волостного земства в Новотроицком и вынес постановление – распустить Новотроицкое волостное земство, взять власть в руки волостного Совета окончательно, отобрать земли помещиков и сохранить их имущество, как государственную собственность.

На съезде был избран волостной Совет Народных Комиссаров в составе 7 человек: председатель Совета А.Г. Веселов, заместитель его, комиссар по самоуправлению – Муромцев Ст.Д., комиссар по земледелию – Южаков Ст.Ст., по продовольствию и заготовкам – Пашков Фёд.Анд., по охране населения и начальником дружины – Луканин Гр.Мат., заведующий финансовой частью и казначей – Чураков Дм.Зах., председатель волостного ревтрибунала – Смоляков Владимир Васильевич.

На этом съезде кулачество окончательно поменялось ролями с беднотой. В первые дни февральской революции на первом кулацком волостном народном собрании беднота, в особенности женщины, робко толпились около двери, как любопытные и нежелательные для «представителей революции» зрители, прислушиваясь к голосам кулаков, важно обсуждавших вопросы о задержке революции и о кандидатах в Народный комитет – приставе и попе. На этом же волостном съезде Советов беднота и женщины явились полноправными делегатами съезда и хозяевами волости, вносили предложения о хозяйственном укреплении волости и об улучшении жизни и быта бедноты.

Кулаки же стояли на улице у входа в здание Исполнительного комитета, некоторые пробрались в коридор к двери, прислушивались, ехидничали, ругали «голодранцев», «захватчиков власти» и шёпотом договаривались объявить экономический бойкот – прекратить продажу хлеба на Новотроицком рынке и вывозить его в другие волости по спекулятивным ценам.

Волостное земство, в лице председателя управы Ефимова не признало Совет Народных Комиссаров и задержало сдачу дел и денег волости. Секретарь волостной управы Кулешов пригрозил даже арестом и вызвал милицию.

В тот же вечер Советом была организована волостная дружина. На второй день, под угрозой ареста, Ефимов сдал дела. Милиция была подчинена волостному Совнаркому.

Кулачество в бессильной злобе металось и свирепело. Многие из выборных волостного земства приехали по вызову волостной земской управы и подняли скандал. Симонов Алексей и Колобов Степан, топая ногами и стуча по столу кулаком, кричали:

– Не имеете права! Мы есть законная власть волости, избранная волею всего народа прямым и тайным голосованием. А вы кто? Захватчики!

– Мы революционеры, сочувствующие большевикам, – ответил Луканин, – а потому по-большевистски и поступаем. Если ещё позволите безобразничать, то сейчас же направим вас в Бирск, в тюрьму.

– Да вы хотя бы нас пригласили на съезд и вместе бы обсудили этот важный вопрос, – уже мягче сказал Колобов, – всё легче было бы. Ведь мы же законная власть в Новотроицкой волости!..

– Не сочли нужным, – невозмутимо ответил Южаков. – Мы знаем вас.

Для развёртывания работы по переустройству и реорганизации волости были привлечены в помощь каждому комиссару активисты, устойчивые и надёжные члены РСО, называвшиеся в то время коллегами. Так, в земельный отдел в помощь Южакову входили – Зязев Л.М., Шуганов Я.Г., Кидалашев П.Н. и Батраков А.П. В продовольственный отдел – Запевалов Ф.О., Зелёнкин И.Е. и Осетров А.С.

6.

Быстро, энергично и по-большевистски развёртывалась работа – этого требовала обстановка. Бирский Совнарком предложил усилить приёмку хлеба на сыпных пунктах, дабы дать хлеб в голодающие губернии и Красному Питеру. Местная беднота оказалась в затруднительном положении: кулаки действительно

от слов перешли к делу. Они занялись скупкой хлеба, привезённого на рынок из соседних деревень, целыми обозами стали отправлять его в Аскино и Сарапул и там продавать по спекулятивным ценам.

Совет принятыми решительными мерами вскоре ликвидировал кулацкий саботаж и экономический бойкот.

Продовольственный отдел занялся снабжением бедноты хлебом, регулированием цен на рынке и приёмкой хлеба на ссыпных пунктах для сдачи государству. Кооперация улучшила работу по снабжению промышленными товарами, которые распределялись под руководством промышленного отдела, лучшая и большая часть товаров попадала в руки бедноты. Беднота снова ожила и подняла голову. Она была очень удивлена, когда однажды работнику кооперации дан, был строгий выговор за то, что тот самовольно, без распределения, приобрёл себе галоши, в которых он нуждался.

Земельный отдел запретил кулачеству хищническую рубку леса в лесных помещичьих дачах Груздева и Балаева. Под техническим руководством Королевича, земельный отдел налаживал правильное лесопользование, установив охрану леса. Нарубленный кулаками лес у них был конфискован и распределён между беднотой и середняками на ремонт домов и для построек.

После второго волостного съезда советов, созванного в марте 1918 года, Совнарком занялся, упорядочением земельного вопроса. На основании Декрета о земле у помещиков и кулаков была отобрана земля. Проведено уравнивание земли по селениям в границах волости. В списки на получение земли впервые были включены женщины – до сих пор они землёй не пользовались.

Учитывая слабое состояние животноводства и неумелый уход за скотом в Новотроицкой волости, постановлено было открыть низшую сельскохозяйственную школу по улучшению животноводства в имении помещика Груздева, где имелся крупный породистый скот в достаточном количестве. В имении помещика Балаева – открыть низшую сельскохозяйственную школу по полеводству, с культивированием пшеницы. Там имелось в достаточном количестве сельскохозяйственного инвентаря и машин, и две водяных мельницы. На одной из них летом, в уборочную кампанию, работала сложная молотилка.

Постановлением 3-го уездного Съезда Советов рабоче-крестьянских Депутатов (протокол от 2-го апреля 1918 года) утверждена была организация племенного рассадника в бывшем имении Груздева.

Чтобы сломить саботаж кулачества во всех отношениях, прекратить спекуляцию хлебом и заставить его сдавать хлеб на ссыпные пункты государству, с первых же дней деятельности волостного совета был организован революционный волостной трибунал. Это учреждение тогда возникло в процессе практической работы волостного Совнаркома, в разгаре борьбы с кулачеством, затем оно было санкционировано уездным Совнаркомом. В состав ревтрибунала вошли: Смоляков. Вл. Вас. – Председателем, Охезин Константин Харлампиевич – заместителем и членом – Актюбин из Рефандов. Следователем был Черепяхин Мих.Ив. и помощником его Седлов М.А.

Ревтрибуналом были проведены два крупных процесса за спекуляцию хлебом и сопротивление по отчуждению земли, с присуждением штрафа по пять тысяч рублей и пять мелких, со штрафом по 100 – 200 рублей.

Для охраны советских учреждений от нападения со стороны кулачества при волостном совете была организована боевая дружина в 13 человек. Дружина состояла из следующих товарищей: Харин Михаил Демидович, Щаднев Алексей Степанович, Перевышин Константин Андреевич, Веселов Григорий Герасимович, Селянин Александр Егорович, Ковин Афанасий Григорьевич, Жихов, Ширяев Яков Михайлович и другие. Щадневы Аркадий и Пётр и Рассадников Иван оказались предателями: узнавши о восстании, они, за пять дней до него, вышли из дружины и удалились из села Новотроицкого.

В апреле месяце в Новотроицкого вернулся из армии ещё один активный работник – Зязев Анисим Ефимович, который был вскоре кооптирован

комиссаром по самоуправлению, а Муромцев был освобожден от этой обязанности и назначен заведующим в отчуждённое имение помещика Груздева, где ему поручено было организовать животноводческую ферму крупного молочного скота, изъятого у этого помещика, и приготовить всё для рассадника породистого племенного скота, как было утверждено Бирским уездным Съездом Советов 2-го апреля.

В это время ряды кулаков тоже усилились и довольно значительно. Приехали, выброшенные из армии, два офицера – Туров Никита и Шляев Иван. Они установили связи с сыном помещика Балаева, с накаряковским учителем – офицером Устюговым Ив. Т. и в Кизганбаше с прапорщиком Хайдаршиным. При их появлении кулачество оживилось, подняло голову и завело связи с кулачеством соседних волостей: Байкинской, Аскинской, Мишкинской, Кизганбашевской, Бураевской и даже Дуваном и Месягутовым, где было крупное кулацкое восстание. В дальние волости для связи был направлен подкулачник Кошеев Дмитрий и кулак Лашов Евлампий.

Новотроицкий волостной совет, погружённый в неотложную текущую работу и в частности по улучшению быта и материального состояния бедноты, как-то: урегулированием вопроса о семенах, чтобы не оставить ни одной полосы незасеянной, своевременным снабжением бедноты семенами и рабочей тягловой силой, продовольствием и проч. – недостаточно обращал внимание на подпольную работу кулачества. Этой близорукостью особенно отличался Южаков Ст., комиссар по земледелию, всегда возражавший против предосторожностей, говоря:

– Разве беднота допустит гибель своих истинных друзей – волостного совета и членов Революционной солдатской организации? Разве согласится она идти с кулаком, вечно эксплуатирующим её? Нет! Она всегда своевременно сообщит об опасности. Да и кулак не посмеет наброситься, когда и власть, и оружие в наших руках.

Такое мнение Южакова и некоторых других ответственных работников привело к кровавой развязке. Волостной совет и РСО не учли шаткости части бедняков и колеблющейся массы середняков, а также не учли и того, что кулачество, побеждённое политически, имело ещё большую экономическую власть над беднотой в деревне. Волостные руководители были политически неграмотны, неопытны, они не знали учения Ленина о том, что «переход от капитализма к коммунизму есть целая переходная эпоха. Пока она не закончилась, у эксплуататоров неизбежно остаётся надежда на реставрацию. И после первого серьёзного поражения свергнутые эксплуататоры, которые не ожидали своего свержения, не верили в его, не допускали мысли о нём, с удесятёрённой энергией, с бешеной страстью, с ненавистью, возросшей во сто крат, бросаются в бой за возвращение отнятого «рая», за их семьи, которые жили так сладко и которых теперь «простонародная сволочь» осуждает за разорение и нищету... Широкая масса мелкой буржуазии, про которую десятки лет исторического опыта всех стран свидетельствуют, что она шатается и колеблется, сегодня идёт за пролетариатом, завтра пугается трудностей переворота, впадает в панику от первого поражения или полупоражения рабочих, нервничает, мечется, хныкает, перебегает из лагеря в лагерь».

Кроме того, волостным советом был допущен ряд грубых ошибок: нередко разгонялись подпольные собрания кулаков, но ни одного участника этих собраний не арестовали. В боевую дружину допущены были хотя и бедняки, но родственники Туровых – Щадневы Аркадий и Пётр и писцами в Волисполком – Неволин Алексей, сын кулака и Сократов Григорий, сын лавочника, которые лицемерно заявили, что они порвали всяческую связь со своими отцами и хотят работать добросовестно и на пользу советской власти. Вот эти предатели и сообщали кулакам о каждом движении членов Совета, их работе, о числе дружины и количестве оружия. Кроме них, кулаки имели ещё штат подкулачников, которые распускали преувеличенные слухи, фабрикуемые

офицерами Туровым и Шляевым об успешном движении казачества во главе с Дутовым на Урале, о победах на Дону Краснова, Корнилова и др.

7.

29-го марта 1918 года в большом селе Бураево вспыхнуло кулацкое восстание. Бирский Совет Народных Комиссаров, узнав об этом, своевременно и быстро послал отряд красногвардейцев под командой Нелидова для восстановления положения. Отряд свою задачу выполнил.

30-го марта беднота деревни Бураево вынесла постановление о наложении контрибуции в два миллиона рублей на некоторых бураевских купцов. Протокол был утверждён Советом и Бирским Съездом рабоче-крестьянских Депутатов и была послана телеграмма начальнику боевой дружины – взыскать эти два миллиона рублей в 48 часов. Этим бураевское восстание купечества и кулачества было закончено.

Новотроицкое кулачество, во главе с офицерами Туровым и Шляевым, осуждало бураевских кулаков за неумелое проведение восстания.

– Если делать восстание, так надо так, чтобы брызги летели во все стороны, и кровь лилась рекой! Вот это будет по моему, – сказал своему собеседнику Шляеву Туров Никита.

Этот разговор случайно услышал сторож здания ВИКа, но не придал ему никакого значения и своевременно не сообщил об этом разговоре волостному Исполкому.

Новотроицкое кулачество решилось для опыта поднять восстание в Кизганбашевской волости и добилось этого. Руководить восстанием, было поручено, прапорщику Хайдаршину. Даны были инструкции – действовать быстро и решительно, расправиться жестоко, в случае неудачи – скрыться.

И вот, во второй половине апреля 1918 года кизганбашевское кулачество собрало огромную толпу и осадило здание ВИКа в Кизганбаше, где заперлись советские работники и несколько дружинников. Одному из осаждённых, Кузьмину Дмитрию, удалось прорваться и прибежать в Новотроицкое.

Новотроицкая боевая дружина под начальством товарища Луканина Григория мигом вскочила на коней и помчалась на выручку осаждённых.

Толпа кулаков и подкулачников перед заданием Кизганбашевского ВИКа кричала, ругалась, махая палками, вилами, дробовиками и кистенями, требуя от советских работников сдачи оружия. Из толпы со свистом пролетел в окно камень, звякнул в стекло – этим был подан сигнал к штурму Исполкома. В дверь застучали ломами. Дрогнули рамы, брызги стёкол осыпали осаждённых, вооружённых тремя винтовками и четырьмя наганами. Раздался залп вверх. Осаждающие отступили, но тотчас оправились и с яростью набросились снова. Сорвали дверь, выбили рамы, и с ругательствами ворвались в помещение.

Новотроицкое дружина быстро продвигалась к Кизганбашу, преодолевая трудности весенней распутицы. В двух оврагах чуть было, не застряли, едва вытащив из воды и глубокого снега на дороге двух лошадей.

Вот и село. Разведка из трёх человек, высланная вперёд, донесла начальнику дружины, что толпа бандитов ворвалась в здание ВИКа.

Дружинники рассыпались в цепь и галопом неслись по Кизганбашу на неистовствующую толпу восставших.

– Войска идут!.. Пропали! – закричали в задних рядах толпы. Кулаки и подкулачники бросились врассыпную. Дан был залп вверх.

Охваченная ужасом, ожидая возмездия, толпа на бегу, то скучивалась, то разбегалась. Все попрятались, кто куда мог. Вскоре был задержан отстреливавшийся руководитель восстания прапорщик Хайдаршин.

Председатель волостного Совнаркома товарищ Исхаков, пожав руку всем дружинникам и поцеловав начальника дружины Луканина, сказал:

– Благодарю вас, что вовремя успели и выручили. Отстреливаться нам было нечем: мало оружия, а патронов почти нет. По одному выстрелили вверх, как предупреждение, по второму решили, в крайнем случае, стрелять в

нападавших, а третий берёт каждый для себя. Сдаться на милость кулаков было нельзя: всё равно растерзали бы в клочья.

В ночь приехал отряд из Бирска. Хайдаршина судили и расстреляли. Несколько кулаков отправили в Бирск. Но до корней не добрались. Корни контрреволюции остались в Новотроицком. Опыт кулачества в Кизганбаше оказался неудачным. Новотроицкие кулаки и офицеры стали действовать скрытнее и осторожнее. Наружно они казались смирившимися со всем, перед некоторыми общественными работниками были даже почтительными, при встрече – издали снимали шапку, шутили, смеялись и так «искренно» вели себя, как будто были самые близкие знакомые и друзья. Этим они усыпили бдительность Южакова, Зязева и Черпахина.

В конце апреля Туров Никита, находясь в избе-читальне, раскрыл лежавший на столе сборник революционных песен и продекламировал два стиха из «Похоронного марша»:

*Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу,
Вы отдали всё, что могли за него,
За жизнь его, честь и свободу!*

– Что это значит? – Спросила заведующая избой-читальней Пожилова В.К.

– После пасхи петь будем, – сказал Туров.

– По какому это случаю?

– Вспоминать будем революционеров, – загадочно ответил офицер. Друг его, В.И. Дульцев, заметив входившего Веселова, переменял тему разговора и оба отошли к соседнему столу. Веселов хмуро посмотрел в сторону своих политических врагов, но, не зная характера их разговора, прошёл в библиотеку за книгами.

Недостаточная бдительность новотроицких советских работников дала возможность кулачеству вести подпольную работу.

Допущена была грубая ошибка в том, что ни Кизганбашевский волостной совет, ни Бирский уездный Совнарком, ни Новотроицкий волостной совет не занялись расследованием дела Кизганбашевского восстания и не добрались до его нитей.

Бирский комитет партии большевиков, серьёзно занятый работой по городу, тоже недостаточно занимался руководством в деревне. Массовая работа в деревне поручалась одиночкам-большевикам, политически недостаточно подкованным. Поэтому на местах не было чёткой установки в работе волостных советов, которые зачастую действовали самостоятельно, неуверенные в правильности своих действий.

8.

В мае 1918 года Бирский Совнарком для борьбы с чехословаками, наступавшими на Уфу с двух сторон – со стороны Самары и Челябинска, объявил приём добровольцев в Красную Армию, а потом решил провести мобилизацию двух призывных годов в Пономарёвской волости и сбор лошадей для армии в Новотроицкой волости.

В Новотроицком было созвано общее собрание граждан, на котором был поставлен вопрос о мобилизации лошадей. Кулаки только этого и ждали. Каждый из них с пеной у рта кричал что-нибудь ругательное по адресу большевиков и советской власти. Оська Накаряков шумел:

– Кровопийцы окаянные, дощеголяли! Хана приходит вам. Помощи просите от нас. Не дадим лошадей!

– Душегубы, хриstopродавцы, бога на антихриста променяли, креста на вас нет: разорили нас, землю отобрали, лес, хлеб отбираете, а теперь уж и до лошадей добираетесь, подлецы! – вопил С. Доронин. – Не дадим!

– Граждане православные, – ележно выступает Андрей Мельцов, – большевики сбросили царя, разогнали министров и сенаторов из наших хозяйственников, они распустили учредительное собрание, они разогнали

земство, они отовсюду убирают лучших наших людей, а теперь добираются и до нас. Эти большевики, как демоны, налетели и захватили власть в свои руки на окончательную нашу гибель. Кто они? Они немецкие шпионы, они последние из пролетаров, лодыри и пропойцы, разорители наши, разрушители веры христовой. Они хотят воевать с казаками, защитниками нашего отечества, нашими друзьями. Не дадим лошадей, православные!

Поднялся шум, невообразимый гвалт. Собрание, спровоцированное кулаками, было против мобилизации. Послышались угрозы в толпе. Комиссара земледелия Южакова побили.

Новотроицкий волисполком с согласия Бирского Совнаркома отменил мобилизацию лошадей. Наружно всё притихло, успокоилось.

Снова была допущена грубая ошибка и мягкотелость. За выступления, выкрики, угрозы и даже за несколько ударов, нанесённых Южакову, не было арестовано ни одного кулака. Безнаказанность за срыв мобилизации лошадей и побои Южакова кулаки приняли за слабость советской власти и почувствовали себя чуть ли не настоящими хозяевами положения.

В это время в Бирске проводилась мобилизация людей двух призывных годов из Пономарёвской волости. С мобилизованными в Бирск явилось и кулачество Пономарёвки с требованием вооружения «всех» и угрозами – «а там посмотрим, что будет!».

Огромная толпа шумела около приёмного пункта. В это время командир караульной роты, бывший прапорщик Александров и его помощник, бывший фельдфебель Рябов, – как рассказывает товарищ Пашков, – влились в толпу и дали совет – действовать энергичнее, чтобы сейчас же разбить Военный Комиссариат, обещая поддержку со стороны караульной роты. Они сказали, что вся рота готова, оружия и патронов хватит.

Повстанцы осмелели, набросились на караулы.

Узнав о беспорядках, на приёмный пункт приехал товарищ Чернядьев И.С., руководитель Бирской организации большевиков, в сопровождении Бирского военного комиссара товарища Вострецова. Оставшаяся часть кулачества встретила Чернядьева и Вострецова с криком, руганью и угрозами, стараясь окружить и схватить их.

Главные силы пономарёвского кулачества избивали и обезоруживали часовых. Вскоре разбит был пороховой погреб, где повстанцы надеялись захватить оружие и боеприпасы. Но там ничего не оказалось, кроме старой одежды и обуви. Толпа кулаков, вооружённая восемнадцатью винтовками, отобранными у часовых, во главе с прапорщиком Александровым, направилась к Торговой школе, где стояла караульная рота, чтобы обезоружить её, или взять с собой как союзницу (по заявлению командира её, прапорщика Александрова) и направиться для разгрома Военного Комиссариата. Но за несколько минут до наступления в караульную роту прибежал один из обезоруженных часовых, весь избитый, истекающий кровью, и сообщил о случившемся кулацком нападении на пороховой погреб.

Пашков С.А., командир взвода караульной роты, мигом привёл роту в боевой порядок, вывел её из здания и рассыпал по канаве в цепь. Показались повстанцы. Пашков скомандовал дать залп вверх. Повстанцы, видя, что рота настроена против них, дали несколько залпов по цепи и повернули обратно. Рота ответила вторым залпом и повстанцы рассеялись. Прапорщик Александров бежал. Ночью Бирский отряд обезоружил пономарёвских кулаков, отобрав у них свои 18 винтовок, несколько кулаков арестовал и на этом успокоился. Успокоился и военный комиссариат.

На другой же день пономарёвское кулачество разослало своих гонцов в девять волостей с призывом к восстанию. Приехал посланный ими и в Новотроицкую волость, объявив кулакам, чтобы они действовали энергично и, покончив со своими большевиками, шли бы на соединение с пономарёвцами.

Новотроицкое кулачество в ночь с 13-го на 14-е июня собралось на тайное

собрание сначала в доме кулака Медведева, а потом Могильникова Григория, где было решено разослать гонимых во все селения волости и к кулакам соседних волостей – Кизганбашевской, Старо-Балтачевской, Байкибашевской и Усы-Степановской с призывом к восстанию. Здесь же было решено до рассвета занять здание волостного исполкома и овладеть оружием. Этот момент они считали самым удобным, ибо многие ответственные работники отсутствовали: Веселов А. был на учительском съезде-курсах в г. Бирске, Южаков, Зязев и другие – в имени Груздева, Смоляков в – Артакуле. Некоторые из активистов-бедняков и Члены Революционной солдатской организации, а также и дружинники притупили свою классовую бдительность.

Участники восстания чётко расставили свои силы, разбившись на группы, боевой штаб перенесли ближе к зданию ВИКа в дом Григория Дульцева. Ночные сторожа в селе безмолвствовали, дружина не выставила ни караулов, ни патрулей. Волостной Совет Народных Комиссаров не знал о начавшемся фактически восстании кулачества.

Подобралась группа самых ловких, хитрых и коварных кулаков – Ширяев И.М., Накаряков Оська, Пономарёв Андрей («шестипалый»), Сидоров П., Медведевы Андрей и Яков, Кочергин Кузьма, Накаряков Костя («Васькин»), вооружённые наганами и направились к зданию ВИКа. Всё это было сделано кулачеством так, что Луканин, живший рядом с Дульцевым, где происходила подготовка кулаков и против здания ВИКа, ничего не заметил.

Кочергин Фёдор и Колобов Степан направились в свою деревню Малое Накаряково, чтобы вызвать всех на восстание и привести захваченных накануне пленников-активистов – бедняков, шедших в Бирск, чтобы поступать добровольцами в Красную Гвардию. Каменев Никита и другие направились в своё село Накаряково и Мало-Новотроицкое – поднять деревенское кулачество и арестовать большевиков. Шляев Иван и Ширяев Семён поехали в деревни Худяковку и Медянку, где было много кулаков и торговцев, чтобы поднять их, а оттуда перебраться в Кизганбаш, чтобы там снова организовать восстание. Пономарёв Тиша с помощниками помчался в Байкибашевскую волость, в деревни Богданово, Тимкино и Кундашли.

9.

В ночь с 13-го на 14-е июня всё было подготовлено. Занималась заря. После вчерашнего ливня стояла тихая погода.

Восемь бандитов тихо подкрадывались к зданию ВИКа. Сторож ВИКа Гурьян Могильников, бедняк и инвалид поддался агитации родственника, одного из бандитов, заранее пошёл на подкуп, усыпил бдительность часового, стоявшего у денежного ящика в ВИКе, уверениями, что «всё спокойно, народ готовится к празднику, на рассвете можно и вздремнуть». Часовой был молодой, поддался заверениям сторожа и вздремнул.

В помещении ВИКа, кроме часового и сторожа Гурьяна, спал тринадцатилетний мальчик, Сайпушев Александр из Рефандов, который был писцом-учеником в ВИКе. За несколько минут до вторжения кулачества, отец его, знавший о готовящемся восстании, увёз мальчика домой. Всё было готово...

Тихий шорох в дверь. Гурьян осторожно снял крючок и впустил бандита, своего родственника, Ширяева Ивана. Тот бесшумно подбежал к часовому, овладел винтовкой и стукнул прикладом об пол:

– Ну, теперь наша взяла!

Тотчас ворвались и остальные семь бандитов и бросились в склад за оружием.

Дали сигнал о победе. Кулаки стекались к зданию ВИКа. Они разделились на группы, чтобы одновременно арестовать всех советских работников – активистов и дружинников. Быстро разнеслась весть по всему селу о разгроме Исполкома. До восхода солнца арестованы были в постелях: Луканин Г., Зязев А., жена учителя Веселова Надежда Прохоровна, Черепяхин М., Харин М., Ковин Аф., Веселов Г., дружинник Перевышин Конс., дружинник Чураков Дм, казначей

Александр Накаряков и другие.

Повстанцами посланы были гонцы по всем деревням с известиями о победе, а также и в имение Груздева – арестовать Южакова Ст., Зязева Льва и других, а в имении Груздева был арестован также и Саинов, член Бирского уездного земельного отдела.

Вихрем помчались гонцы выполнять волю кулачества, радостно гикая и бряцая только что полученным оружием – шашками, кинжалами, дробовиками, наганами, а некоторые и винтовками. Больше всех проявил удали в разъездах подкулачник, молодой парень Васька Козлов.

В восемь часов утра привезли арестованных Южакова С. и Саинова под конвоем Лаптева Кузьмы, Пашки Змеев, Васьки Шубенцова и других. Зязев Д. Сбежал уже в селе Новотроицком и спасся.

В 10 часов утра, когда гудел колокол, призывая верующих в церковь на молитву, кулаки, именующие себя православными христианами, проповедующими терпение, смирение и человеколюбие, изловив почти всех активных работников волости и наиболее активных дружинников, издевались над ними и готовили им расправу, придумывая самые мучительные пытки. В особенности издевались над Южаковым С. и Черепахиным М.

Мальцев кричал:

– Бей их по ногам, голову не тронь, чтобы дольше пожили, да побольше почувствовали: надо сразу отбить охоту у других быть большевиком.

– Нас не учи, – мы сами с усами, – дерзко и самодовольно отвечал Змеёв, запыхавшийся от усердия в издевательствах, – не подкачаем, каждому по заслугам дадим!

В это время из избы Труфановой М. выскочил Пашков Фёдор и, отстреливаясь из нагана, бросился на огороды. В него стреляли из винтовок Доронин Семён и Елохин Пётр. Пашков, обессилев от долгого бега, спрятался на гумне за солому. Несколько кулаков погнались за ним по следам, нашли, избили и бросили в арестантскую.

Арестантская была набита битком. Организаторы расправы для удобства разделили арестованных на две группы: злейших своих врагов, ответственных работников Исполкома и РСО – Южакова, Смолякова, Черепахина, Осетрова Д.Т и других оставили в арестантской и обрекли их на ужасную расправу.

Харина М., Веселова Гр., Перевышина Кон., Батракова Алексея, Перевышина Тим., Конст. Охезина, Запевалова и других избили до потери сознания и перевели в амбар, готовя им кару ужасную, чем первым.

Вскоре все улицы и площадь перед зданием Исполкома были запружены народом, вооружённым кто, чем попало: палкой, косой, вилами, лопатой, кистенём, дробовиком и т.д. Некоторые из восставших доставали из своих тайников принесённые с фронта винтовки, наганы, шашки, тесаки и кинжалы.

Конные разъезды наскоро вооружились и вихрем мчались на окраины села и по всем дорогам в разведку и в караулы. Из соседних деревень и окрестных волостей прибывали группы конных и пеших, увеличивая толпу и усиливая крик и шум. Многие толпились около арестантской, заглядывая на арестованных.

По знаку Ивана Ширяева толпа расступилась и притихла. Появился на площади стол. Мигом вскочил на него офицер Никита Туров, уже успевший нацепить на себя погоны, и громко крикнул:

– Граждане! Новотроицкий Совет разгромлен. Арестованы проклятые большевики. Власть в наших руках. Надо выбрать собственную нашу власть, твёрдую, устойчивую, умеющую бороться с большевизмом, проникающим даже и в наши захолустные деревни. Старосту мы здесь выбирать не будем: мы представители не только целой волости, но даже и нескольких волостей. Старшину выбирать ещё рано. Нам нужна военная власть, военное правление. Мы здесь изберём временную коллегия во главе с военной тройкой. У меня имеются достойные члены в эту коллегия. Вот их имена и фамилии.

Туров достал список и стал называть имена:

– В военную тройку можно ввести Турова, Шляева и Балаева – энергичных, хорошо подготовленных офицеров царской армии, в коллегия – Турова. Гр.А., Накарякова О.К., Кочергина Ф.С., Плотникова К.М., Братилова Е.А., Мельцова А.К., Ширяева Ив. М., Дульцева В.И. Граждане, список нашего Новотроицкого правительства зачитан. Какие будут суждения?

– Правильно, правильно! Всех утвердить!

– Люди все почтенные. Это не советские комиссары, разорители наши.

– Утвердить! – со всех сторон раздавались голоса крупного кулачества и подкулачников.

– Так согласны вы, граждане, избрать этих господ в наше управление? – ещё раз спросил Туров.

– Согласны!.. Согласны!.. Согласны!.. – по старому дореволюционному обычаю троекратным гулом прокатилось в тысячной толпе.

Офицер махнул фуражкой. Толпа угомонилась, притихла. Он продолжал:

Итак, граждане, мы сегодня совершили первый крупный шаг. Это будет известно всему миру. Но большевики захвачены ещё не все. Разведка донесла, что красный бандит Шуганов и сбежавший от нас Зязев формируют отряд из уцелевших артакульских большевиков. Мы должны быть настороже. В случае появления красных мы ударим в набат, сделаем тревогу и вы все, как один, должны явиться сюда, на площадь, вооружившись, кто, чем может. Если при проверке окажется кто-нибудь дома, струсит или поддастся большевизму – убьём на месте без суда и следствия, как паршивую собаку. Кто не с нами, тот большевик!

На стол взобрался грузный кулак Григорий Туров, отец офицера, и радостно произнёс хриплым басом:

– Граждане! Советской власти больше нет!.. Все крупные города заняты казаками. Бирск окружён Пономарёвской, Мишкинской и Бураевской волостями. Уфа окружена: с одной стороны – казаки во главе с его превосходительством генералом Дутовым, с другой – наши братья, доблестные союзники – чехословаки. Большевикам пощады не дадут. Мы расправимся с ними здесь и пойдём на Москву. К нам присоединятся казаки, чехословаки, или мы присоединимся к ним.

– Правильно, правильно! – раздались возгласы кулаков.

– Итак, граждане, мы должны как можно скорее уничтожить наших большевиков. Их надо бить так, чтобы чувствительнее им было, и чтобы никто уже не посмел пополнять их ряды, а они сами крепче бы чувствовали свои грехи перед Россией, за посягательство на нашу землю и за разорение наших хозяйств. Не должны и не можем мы их оставить в живых! Если оставим, то погибнем сами.

На стол вскочил, было Балаев, но закончить речь ему не удалось: толпа кулаков и подкулачников так наэлектризовалась призывом представителей «временной коллегии», что подняла шум, гвалт и крики:

– Мы готовы!.. Давай оружие!

– Подавай нам комиссаров!

– Открывай арестантскую, а то всю разворочаем сами!

С выкриками и шумом толпа напирала к арестантской. Впереди всех, размахивая палками, с пеной у рта что-то кричали Кочергин Ф.П., Змеёв П.С. и Доронин С. Загремел замок, запахнулась дверь, кулаки ворвались и вытащили Черепахина, Южакова и Луканина на улицу.

– А, вот он, наш народный следователь. На суд таскал и судом страшал! А ну-ка его теперь здесь рассудим по-божески! – выгаскивая товарища Черепахина из арестантской, кричал Петька Сидоров. Взвились в воздухе палки, кистени, колья и градом посыпались удары. Толпа гоготала и кричала:

– Вот это наш суд! Он будет покрепче вашего!

И расправа началась. Черепахин М.И. был сбит на землю. Раздалась беспорядочная молотьба палками, кистенями по его полуживому телу. Устали, приостановились. С визгом выскочили из толпы А. Полоушев и А. Пономарёв

(«шестипалый»), набросились на него и начали топтать.

– Будет, ребята, дайте ему отлежаться. Не сразу кончай, – крикнул из толпы Оська Накаряков («Костин»).

Отдохнув, П. Змеёв снова набросился на Черепяхина, гвоздём царапал ему лицо, шею и потом выковырнул глаз, приговаривая:

– Меньше будешь видеть в нас контрреволюцию.

Когда вытащили Южакова С.С. из арестантской, он рванулся и, освободившись от палачей, громко заявил:

– Перестаньте безобразничать! Ваша власть только на три дня. Если вы нас убьёте, то сами поплатитесь своей кулацкой шкурой. Бедняки, а вы что делаете? Кого слушаете? наших общих врагов!..

Последние слова не долетели до толпы: удары палок и выкрики: «А, он ещё пугает!» – заглушили его голос. Кольями сбили его с ног. Сёмка Доронин, отыскав суковатую палку, начал бить его по голове.

Устал, бросил палку, схватил горсть грязи и стал набивать в рот Южакову, в диком исступлении крича:

– Вот тебе наша земля, вот тебе наш лес, вот наш хлеб, а вот тебе это ваша свобода! – и начал топтать ногами истерзанное окровавленное, почти безжизненное тело. Такая же участь постигла Луканина, Смолякова, Зязева А., Пашкова Ф., Накарякова А. и других.

Толпа кулаков и подкулачников, не участвовавшая непосредственно в избиении, гоготала, выкрикивая:

– Вот так, комиссары! Дают вам вашу свободу и землю.... Вперёд будете знать, как нашу землю делить!

Жёны кулаков, собравшиеся против здания ВИКа, глядя на кровавое побоище, радостно аплодировали, ободряя своих мужей, и выкрикивали:

– Терзайте, терзайте их пуще, чтобы не зарились они на наше добро. Черепяхину Мишке другой глаз надо выковырнуть. Ха-ха-ха! Одноглазый комиссар!.. Вот вам свобода!

Вечер. Солнце медленно погружается за горизонт. Тихо вокруг. Только на площади перед зданием волостного совета, где засела «временная коллегия» ещё изредка раздаются отдельные возгласы и крики уставших палачей. Они подводят итоги расправы.

Не насытились кровью. Других, новых жертв захватить не удалось. Решено избитых перевязать, полечить, чтобы завтра снова начать расправу. Под конвоем отправлены в больницу Южаков, Черепяхин, Ковин и Накаряков. Остальные избитые втиснуты в душную, тесную арестантскую. Луканин, стиснув зубы от боли, сказал:

– Эх, только бы нам остаться в живых! Мы бы знали теперь, что у нас за враги и как нужно с ними бороться!

– Полноте, Григорий Матвеевич, и не говорите так. Мы обречены на гибель: кулачество всегда мстит жестоко и не оставляет даже корней большевизма, – сказал Зязев А., – а ведь мы будущие большевики.

Луканин простонал, сжав кулак, хотел что-то сказать, но тотчас же свалился, обессиленный от потери крови.

Временная коллегия отдаёт приказания:

«Расставить по всем дорогам караулы, нарядить разьезды, установить с Пономарёвкой связь, направить разведку в сторону Артакула и следить за формированием отряда Шуганова, которого не удалось схватить, мобилизовать всех кузнецов ковать пики, копыя, а столяров заставить заострять палки, чтобы завтра выйти всем вооружённым кто, чем может. Всех граждан, уклоняющихся от борьбы с большевиками, арестовывать и судить со всей строгостью закона, как и членов РСО. Новотроицкая волость объявляется на военном положении».

Ночь прошла спокойно. Нарушали тишину только оклики караулов, да топот ежеминутно носившихся разьездов. В домах кулачества ярко горели лампы, там торжествовали победу. Звенела чайная посуда, за столами шла шумная,

оживлённая беседа. Откупоривались бутылки с «заморским» вином, сохранившимся на складах Туровых от довоенного времени.

А в домах арестованных со страхом ежеминутно ожидали налёта кулачества. Тихо, беззвучно, горько плакали матери, жёны и дети по своим родным, изувеченным, избитым до полусмерти. Иногда вспыхивала надежда на «помилование», думалось, что хоть искалеченных, изуродованных, но оставят в живых и отпустят домой. Но эта искорка надежды тотчас же затухала, ибо каждый знал, что кулачество беспощадно, что оно будет мстить и потомству. После всех этих потрясений и жгучих переживаний на рассвете дремота овладела ими. В этот самый момент кулачество устроило налёт. Пошла порка, издевательства, обыски. Не считаясь со спящими детьми и больными стариками, палачи перебрасывали и перетаскивали их как вещи во время пожара. Испуг, крик и плач детей не останавливали ни на один миг и не ослабляли жестокости кулацкого террора. Так, группа кулаков разгромила квартиру учителя Веселова, избивала его жену, выбросила из постелей детей, перерыла всё подполье и столы, комод и шкаф, отыскивая деньги и документы, чтобы выяснить тайны РСО.

Список и протоколы РСО нашли у Чистяковой М.С., учительницы Новотроицкой школы. Но она была на учительском съезде-курсах в Бирске, а потому избежалась от расправы.

Избиты были семейства Черепихина, Южакова и других, а жилища их были разгромлены. В этих погромах отличались своей жестокостью и настойчивостью сынки кулаков и подкулачники: И. Легостев, Перша Ладин, С. Веселов из Худяковки, П. Сидоров, А. Чухнин, А.Ив. Елохин, А. Худяков, О. Гордеев, П. Гордеев, К.Вас. Накаряков и другие.

10.

Ночью в больнице Южаков и Александр Накаряков, оправившись от побоев, написали в Бирск письмо, извещая Совнарком о кулацком восстании и требуя помощи. Через больничную прислугу отослали пакет на почту. В отдельной записке просили начальника почты Канцерову доставить пакет в Бирск по указанному адресу, или послать телеграмму.

Отослав на почту пакет, Южаков вполне успокоился, надеясь на избавление через несколько часов. Он только жалел Черепихина, что ему испортили глаз, и сказал:

– Выручат! Через пять часов будут здесь.

– Нет, – ответил Черепихин, – нам не дожидаться помощи, убьют.

В 8 часов утра 15 июня все организаторы восстания были уже на своих местах. Туров, Кочергин, Балаев, Ширяев Иван намечали «порядок дня». Кулацкие «держиморды» все предстали перед Новотроицким «правительством». С азартом, перебивая друг друга, докладывали они о произведённых обысках, выставя себя героями в жестокой расправе с семьями арестованных.

Балаев, начальник штаба, строчил воззвания и приказы, писцы скрипели перьями, размножая их, и направляли с гонцами в главные стратегические пункты: Кизганбаш, Артакул, Усы-Степновку, Байкибаш, Аскино и Старо-Балтачево.

В это время вбегает Семён Доронин и кричит:

– Я готов. Подавай, коллегия, комиссаров. Я сегодня их уважу! Уж я расправлюсь с ними!..

Вскоре явились из Кизганбаша Шляев Иван, офицер Кокоулин Михаил и Ширяев Семён и доложили своему «правительству» о том, что они подняли всю Кизганбашевскую волость. Сейчас там идёт расправа с большевиками.

– Мы там работаем, с корнем чистим, – сказал Кокоулин, а вы тут ещё лечите их. Слабо, слабо здесь у вас.

– Конечно, слабо: всех большевиков и их семейства уничтожить надо, – сказал Доронин, сорвался с места и, показывая огромный гвоздь, сказал:

– Вот, я этим разделаю их всех под орех. Давай подводу, сейчас за комиссарами еду в больницу!

Лёгкий стук в дверь и заискивающий голос попросил разрешения войти.

– Войдите! – Крикнул Туров Никита, строчивший приказ Ивану Устюгову, офицеру, своему приятелю, накаряковскому учителю.

Виляющей походкой вошёл в комнату коллегии Канцеров.

– Что такое, Павел Васильевич? – с тревогой спросил председатель коллегии Ширяев Иван, увидев пакет в руках Канцера.

– Это, видите ли, пакет от Южакова из больницы. Он просит послать в Бирск телеграмму, – ответил Канцеров и продолжал. – Я, считаясь с важностью событий и чувствуя преданность Временному правительству, а также (обращаясь к Турову), находясь с вами, Никита Григорьевич, в тесной дружбе, решил направить пакет сюда, а не в Бирск, и сам его вам вручаю собственноручно.

– Спасибо, – небрежно бросил Туров, и быстро разорвав пакет, прочитал вслух:

«Бирск, Совет Народных Комиссаров, Чернядьеву.

В Новотроицком кулацкое восстание. Мы, все волостные работники, арестованы и избиты. Гибель наша неминуема. Сегодня же нас убьют. Вышлите боевую дружину на выручку.

Волостной комиссар по земледелию Южаков».

– Ах, сволочи! – в бешенстве вскричал О. Накаряков. – Ведь вот арестован, лежит, лечится, а пишет такие телеграммы!

– Убить их надо, убить, – закричал Кочергин Ф.

Снова вырывается Доронин и поспешно сообщает:

– Подвода готова. Еду. Народ собирается и требует комиссаров к ответу.

– Граждане, телефонные провода надо порвать, – сказал Кочергин Фёдор. – Вот хорошо сделал Канцеров, что не послал телеграмму, а принёс пакет сюда.

Граждане, мы до сих пор не знаем, как и чем были вооружены большевики, какие у них были замыслы, а это всё важно. Надо привести батюшку, чтобы исповедать и причастить их. Во время исповеди они всё выболтают, – сказал Мальцев Андрей.

Правильно, – подтвердил О. Накаряков, – у комиссаров бывали закрытые собрания и заседания, наши ребята не могли всё узнать.

Последовало распоряжение коллегии: пригласить священника и исповедать большевиков, порвать телеграфные провода, командировать Петра Турова и Ивана Труфанова в Пономарёвку для связи и им же поручить завязать связь с казаками. Туровых Ивана и Никиту немедленно командировать в Усы-Степановскую волость и там немедленно поднять восстание. Действовать через Соловейкиных, офицера Фирсова, приказчика винной лавки и других. По просьбе самого Канцера, арестовать домашним арестом почтовиков и милицию.

Канцеров был очень дальновидным: сочувствуя кулачеству и видя, что организация и вооружение толпы недостаточно надёжны, он предпочёл более удобным и безопасным находиться несколько часов под домашним арестом, чтобы, в случае неудачи восставших, оправдаться, в случае же победы их – выдвинуться вперёд доставкой пакета Южакова.

В 10 часов дня все улицы села были запружены толпой восставших. Сюда собралось кулачество из всех селений Новотроицкой волости, из Иштыбаевой, Арзаматовой, Мишкиной, Пономарёвки, Теренеевой, Аднагуловой, Карыша, Богдановой, Тимкиной и Кундашлей, из Аскина, Курачева, Ключей, Бураевой и даже Старо-Балтачевой и других селений. В общем, почти половина Бирского уезда была поднята на восстание.

Толпа с каждой минутой увеличивалась. Она подняла неимоверный шум и гвалт, требуя разрешения на расправу с большевиками.

Доронин и Гордеев забрали из больницы товарищей Южакова, Луканина, Черепяхина и Накарякова и повезли в коллегию. Ковина Афанасия отстоял врач Чу克林, заявив, что Ковин, будучи с перерезанным горлом, сам скоро умрёт.

Дорогой из больницы Черепяхин, поравнявшись со своим домом, попросил разрешения зайти к себе и сменить окровавленное бельё. Доронин грубо ответил:

– Сдохнуть-то и в этом можно, не в гости едешь.

Жена Черепяхина подбежала, поднесла к мужу ребёнка. Он подержал своего младшего сына Андрея, поцеловал, отнёс его к дому и подал в окно. На улице перед окном переменял бельё и простился с женой, двумя сыновьями и матерью.

– Яша, помни, за что боролся твой отец, когда вырастешь большой, шёпотом сказал он своему старшему сыну, тринадцатилетнему мальчику. Все члены семьи тряслись от глухих, сдерживаемых рыданий. Доронин уже бежал к ним с винтовкой.

Телега медленно подвозила узников к зданию ВИКа, где заседала кулацкая временная коллегия. Озверевшая толпа расступилась, создав длинный сплошной коридор. Поднялся крик, шум, отдельные возгласы и ругательства по адресу проезжавших комиссаров, летели плевки, комья грязи и камни. Арестованных вытащили из телеги и бросили в арестантскую.

Вскоре явился в арестантскую поп Таланкин. Через несколько минут он вышел. Его вызвали в коллегия.

Начальник отряда Туров Никита, начальник штаба Балаев и председатель Коллегии Ширяев Иван с нетерпением ожидали исповеди комиссаров. Поп сообщил:

– Большевики отказались от исповеди, а меня выгнали.

Толпа волновалась, напирала, требуя выдачи арестованных. В это время привезли Пантелеева Якова, лесничего Королевича, агронома Каменева и Морковкина, заготовителя картофеля для рабочих нижегородских заводов. Толпа с гиканьем набросилась на них. Егор Пономарёв схватил подворотню и бил Пантелеева так, что сломалась доска. Я. Осетров избил палкой Морковкина и отобрал у него 38 тысяч рублей. Избитых, изувеченных бросили в амбар, сняв с них одежду и обувь. Привезли пленников из Мало-Накаряково. Это были захваченные накануне добровольцы в Красную Гвардию, направлявшиеся в город Бирск. Козлов Дмитрий заколол одного вилами. Никита Самокрутов и Григорий Окладников ворвались в амбар и избili там Батракова Алексея, Белькова Никифора и других, рвали им волосы, борода, грызли уши, топтали. У Белькова перебили ключицу.

Толпа, жаждущая крови, снова вытащила волостных работников из арестантской, рвала, топтала избиваемых, выворачивала им ноги.

Южакову штыком порвали нос. Черепяхину пробили голову, копьём свернули скулу и выбили зубы. Избитые, они были опять брошены в арестантскую, а остальные – в амбары. Ужасное зрелище представляли искалеченные, полуживые, истекающие кровью. Черепяхину вместо повязки заклеили кровоточившую рану на голове хлебом.

Луканин очнулся, оглядел всех.

– Ну, товарищи, должно быть, нам скоро конец. Едва ли освободят нас...

Залез опять под нары и опять впал в забытье.

– Да, наша гибель неизбежна. Бирск, по-видимому, не знает о восстании, – ответил Смоляков.

– Не тужи, друзья, наши страдания не пропадут даром, – отозвался Зязев, – революция не погибнет. Тяжела, мучительна наша смерть: по клочкам рвут наше тело, не хотят убить сразу, а мучают, издеваются. Но всё-таки победа будет за нами.

Вздыхнув, Зязев снял фуражку и, подавая её Перевышину, попросил:

– Товарищ Перевышин, ты, хотя и избит, но, по всей вероятности, останешься в живых, на тебя так не злятся кулаки, как на нас, комиссаров. Вот, отдай моим детям мою фуражку на память. Пусть они помнят своего отца, как революционера, не смею назвать себя большевиком, так как не имею партбилета, но в душе большевик. Да и все мы здесь таковы. Передай детям от всех нас завет: крепить советскую власть и вести с кулачеством жестокую борьбу до полного уничтожения его. Вот и всё. Поцелуй их и передай им мои последние слова.

Очнулся Степан Южаков, встал, но тут же упал, снова вскочил, прихватив

одной рукой почти оторванный нос. Опираясь на стол, сказал:

– Да, видно убьют нас! Мы оплошали. Я больше всех, товарищи, виноват: не принял мер предосторожности и жестоко ошибся. Но не будем унывать. Живые расскажут о нашей работе. наших детей не оставят... Рабочий класс не допустит победы кулачества!

Вдруг рванулся, пошатываясь, подбежал к окну и, грозя кулаком толпе, крикнул:

– Недолго вы будете властвовать над нами.... Всё-таки будет по-нашему, а не, по-вашему!

Южакова отвели от окна из боязни новых издевательств со стороны озверевшей толпы.

– Живучи окаянные большевики!.. Сам дьявол в нём сидит: ведь убили, а он ожил и кричит, – косясь на окно, сказал Н. Лашов своему другу П. Ширяеву.

С окровавленными руками, с победными криками, толпа расходилась обедать.

11.

Временная коллегия отдавала приказы об укреплении села Новотроицкого. Рылись окопы вокруг села, расставлены по всем дорогам караулы, пикеты, вооружённые палками, всюду сновали разъезды. Формировались мелкие отряды конные и пешие, вооружались пиками и заострёнными палками, изготовленные на доморощенных новотроицких заводах горе-мастерами Пастуховым В.Н. и Сарапуловым Федотом под руководством «инженера-изобретателя» П. Ширяева.

Конные отряды человек в 15 – 20 метались из одного конца в другой, с одной стороны на другую, из одной деревни в следующую. Эти бешеные скачки вызваны были слухами о появлении отряда Шуганова, члена РСО села Артакула на границе Новотроицкой и Байкинской волостей. Эти слухи серьёзно беспокоили и нервировали новотроицкое кулацкое «правительство». Оно спешно направило гонцов, Турова Петра и Труфанова Ивана, – к Дутову, просить на помощь казаков. А Туровых Никиту и Ивана направило в Усы-Степановскую волость, чтобы ускорить там восстание.

На третий день кулацкого восстания, 16-го июня, банда повстанцев увеличилась. Туровские агитаторы поставили вопрос в каждой деревне перед кулачеством и зажиточными – добиться поголовной вербовки населения для пополнения рядов повстанцев. Увеличивалась банда кулачества, увеличивалось и количество беглецов в лесах из сочувствующих советской власти. Для поимки беглецов организованы были особые отряды, которые разъезжали по лесам и вылавливали скрывающихся. Разведка была усилена и организована так, что каждая деревня, начиная от Пономарёвки, по всем дорогам – Чебыково, Петропавловск, Мишкино, Морокино, Елышево, Арзаматово, Мало-Накаряково и другие, – выставляли свою разведку. Эта разведка должна была встречаться на полпути расстояния между деревнями и регулярно передавать сведения боевому штабу села Новотроицкое. Кроме того, она должна была захватывать всех проезжающих с советскими документами.

16-го июня, в 12 часов дня разведка донесла штабу, что из Бирска выезжает дружина в 50 человек под начальством Александра Нелидова. Побоище было остановлено. Избитых заперли, приставив к ним испытанные караулы. Советские работники, видя замешательство бандитов, окрылили себя надеждою на избавление.

Кулачество встревожилось серьёзно. Чтобы поднять боевой дух повстанцев, ударникам избиения розданы были «премии». Одежду и обувь арестованных, обречённых на смерть, разделили между самыми активными палачами и предупредили остальных, что кто проявит в этом деле усердие, тот будет награждён, тот будет награждён. Выданы были активным командирам отрядов подарки из складов Туровых, а остальным рядовым участникам в этих отрядах подарки были обещаны «после победы».

Наскоро были организованы отряды и направлены на соответствующие

участки. Главные и более надёжные силы брошены были на южный участок села Новотроицкого и поставлены в несколько рядов в окопах. Вызвали «главнокомандующего» Никиту Турова из Усы-Степановки, где он организовал восстание, и где население поднималось как-то нерешительно. Посланы были туда подарки: сахар, посуда и обещана большая награда после одержания полной победы над большевиками.

Первой соблазнилась на подачки и откликнулась на зов кулаков деревня Кушкул. Кулаки этой деревни организовали конный отряд. Вооружившись плетями и пиками, они разъезжали по деревням Усы-Степановской волости и сгоняли на собрание в волость – «снять комиссаров и пойти на помощь Новотроицкому».

Приехали в Седяш, ударили в набат, арестовали дружинников и их секретаря Котову, заведующую библиотекой и почтой. Всех их притащили на площадь, избивали плетями Котову и пять человек красноармейцев-продовольственников, связали их и отправили в новотроицкое на суд и расправу. В избииении отличались кулаки и подкулачники Исуповы – Муртаза, Закий, Мустафа, Савинцев Пётр, братья Соколовы, Малышев Василий. Организаторами оказались два офицера (один из них торговец винной лавки, сын дьякона – Фирсов).

В Новотроицком всё было готово для отражения Бирского отряда. Окопы ошетились вилами, пиками, заострёнными палками. В передних рядах защитники Туровы вооружены были тридцатью винтовками, тридцатью берданками и большим количеством дробовиков.

Но, несмотря на то, что всё было готово, что розданы, были подарки, в задних рядах оказались ропщущие и недовольные тем, что их обошли подарками. Для успокоения недовольных посланы были подкулачники, которые клеветали на красноармейцев, говоря, что отряд идёт для того, чтобы разграбить всё село.

Приехал офицер Туров Никита из Усы-Степановской волости и, делая осмотр окопов, ободрял своих защитников и уверял, что справиться будет очень легко, что завтра на поддержку Новотроицкого выступит вся Усы-Степановская волость и как один явится в полном вооружении и с пулемётами.

Ободлив толпу повстанцев, «главнокомандующий» созвал секретное совещание коллегии, на котором высказался так:

– От сегодняшнего боя зависит всё. Ежели сумеем разбить Бирский отряд, то победа на нашей стороне. Кроме того, сегодня ожидается окончательная расправа в Кизганбаше. С часу на час жду сведений. Послал гонца узнать. Если и там будет полный успех, то перед боем с Бирской дружиной объявим об этом, поднимем дух. Мы можем прогреметь не только по губернии, но и по всему Приуралью. Когда об этом узнают наши братья казаки и чехословаки, то в случае надобности окажут нам полную поддержку. Все наши потайные склады оружия нужно раскрыть, но выдать оружие только в самые надёжные руки. Нам необходимо организовать свою боевую дружину и перевести её на казарменное положение. Я полагаю состав боевой дружины довести до 100 человек. На это количество хватит и винтовок и патронов. Всё-таки мы, господа, дальновиднее наших врагов: они отыскать и отобрать винтовки у возвращающихся с фронта солдат не могли, а мы их скупили за бесценок. Нам необходимо будет устроить беспощадную расправу с прихвостнями большевиков. В случае неудачи бежать и сохранить себя для дальнейшей борьбы с большевиками. Захватим с собой некоторые ценности и скроемся в лесах на Таныпе, где есть у меня знакомые. А там видно будет, может быть, придётся перебраться и в Месягутовскую волость, там наших много. Необходимо приготовить лошадей, верховых и в упряжи, подговорить надёжных конюхов и кучеров. Пока будут здесь расправляться с голытьбой, мы успеем скрыться. Только всё это надо держать в тайне. Кто выдаст этот секрет, тому пулю в лоб. Сам собственноручно это сделаю! Да и кто сам себе враг... Кто это скрипнул? Уж не подслушивает ли кто?

Сторож Яков, беженец из Белоруссии, выскочил босиком из соседней

комнаты, где заседала коллегия и – бух к себе на кровать под одеяло. Кочергин Ф.С. вышел, заглянул в соседнюю комнату, в зал – нигде никого. Заглянул в сторожку и спросил:

– Кто тут был, кто ходил?

Сторож повернулся на другой бок, и что-то промышчал, притворившись спящим. Коллегия успокоилась.

Закончено совещание. Полночь. Туров мчался к своим войскам в окопы. Встретился гонец из Кизганбаша и сообщил, что Кизганбаш покончил со своими большевиками и направляется на поддержку Новотроицкому. Туров, наскоро выслушав гонца, отпустил его и ещё быстрее помчался к окопам. Там вестью из Кизганбаша он ободрил повстанцев, которые крикнули:

– Отряд хоть в тысячу человек разобьём! Только после победы бочку браги...

В этот момент прискакал гонец из Мало-Накаряково и сообщил:

– Едут!

Шум и крики смолкают. Наступает тишина. Готовятся к бою. «Главкомандующий» объезжает окопы, зажигает настроение бандитов.

Бирский отряд под начальством Нелидова, не ожидая встретить вооружённого сопротивления, двигался без всякой предосторожности, сменяя подводы в каждой деревне, рассчитывая в Новотроицкое попасть перед рассветом, когда будут спать все.

Пока Туров ведёт подготовку к бою в окопах вокруг села и пока Бирский отряд товарища Нелидова в пути, мы расскажем о расправе над советскими работниками в Кизганбаше.

12.

Приехавшие из Новотроицкого и Медянки Шляев, Ширяев Семён и Кокоулин Максим 14-го июня, то есть, в тот же день, когда началось восстание в Новотроицком, подняли всю Кизганбашевскую волость. Кулаки по такому же плану, как и в Новотроицком, разделились на группы, арестовали ответственных работников Кизганбашевского волостного Совета. Семь дружинников с винтовками заперлись в комнату от осаждающей толпы и отстреливались. Из толпы бандитов раздались выстрелы по осаждённым. Тогда дружинники забрались на чердак дома, забаррикадировались и продолжали отстреливаться, пока были у них патроны.

Четыре дружинника были убиты, остальные тяжело ранены. И вот 16-го утром, когда смолкли последние выстрелы со стороны осаждённых, бандиты влезли на чердак и сбросили трупы и трёх тяжелораненых. Озверевшая толпа топтала трупы, смешивая их с грязью. Раненых кололи иглами, шильями, гвоздями, выкололи им глаза, вырвали языки, а потом, обложив соломой, всех сожгли. Так были замучены последние защитники советской власти в Кизганбаше. Расправившись с дружиной, принялись за уничтожение ответственных работников волости и их семейств.

Исхаков, председатель Кизганбашевского волостного исполнительного комитета, был пойман в деревне Начаровой. Он сначала бежал, за что арестовали его отца и юношу-брата. Издевались над ними, кололи иглами, шилом. Исхакова выдал его бывший знакомый. Связанного Исхакова кулаки привезли к зданию исполкома, показали ему изувеченных отца и брата. Исхаков, сверкнув глазами и рванув связанные назад руки, вскричал:

– Негодяи, вы поплатитесь своими головами, как прапорщик Хайдаршин! Вас всех...

Не успел закончить свою речь Исхаков, его ударили кистенём. Били, топтали, кололи его тело иглами, шилом, царапали гвоздями. Исхаков не издал ни одного стоны и, также как и Степан Южаков в Новотроицком, всё время твердил:

– Всё равно одолеют вас всех! Большевики сильны!..

Остановились мучители, решили отдохнуть. Подняли Исхакова на ноги, сняли с него верхнюю одежду. Он сел, утёр своё измазанное кровью и грязью

лицо рукавом рубашки, вскричал: «А всё-таки большевики победят!» и бросился бежать.

Некоторые «шутники» из палачей, чтобы доставить себе и толпе больше удовольствия, не стали задерживать беглеца, а, догнав его, на бегу облили керосином и подожгли. Исаков, объятый пламенем, как живой факел бежал к речке. Толпа гоготала, улюлюкала, выражая своё удовольствие.

Кожа трескалась от огня, вздувались пузыри, жгучая боль охватывала всё тело. Исаков, сгорая заживо, рвал своё платье. Обессилев от страшных мучений, он упал. Озверелые бандиты ещё целый час издевались над полуживым трупом.

Толпа кулаков не ограничилась убийством политических работников волости, она принялась уничтожать и истреблять их близких родственников. Так зверски замучены были отец и младший брат Исакова и многие другие. В Кизганбаше погибло 20 человек стойких работников советской власти. Очень немногим удалось спастись бегством и впоследствии попасть в партизанские отряды товарищей Чернядьева, Каширина и Блюхера.

13.

Час ночи. Темно. Тихо. Отряд товарища Нелидова выехал из Рефандов. Постукивают колёса телег большого обоза. Отряд двигался, как мы упоминали, без всяких предосторожностей, не так, как полагается в прифронтовой полосе. Начальник отряда, товарищ Нелидов, был впереди отряда. Вот уже он различает в темноте силуэты домов села Новотроицкого, влево от дороги больницу.

Бандиты в окопах. Зловещая тишина...

Командир южного участка повстанцев, Шляев Иван шёпотом отдаёт приказание: «Рота, пли!». Раздались выстрелы. Нелидов и несколько человек упали раненые.

В отряде произошла паника. По-видимому, не была подготовлена передача командования в случае гибели начальника. Отряд замешался и отступил в беспорядке к реке Бирь. Подводы умчались врассыпную, из некоторых выбросили ящики с патронами, которые достались в добычу врагу. Повстанцы бросились преследовать этот отряд и окончательно расстроили его ряды.

Дружинники-красногвардейцы группами разбежались во все стороны. Одна группа врассыпную направилась в Бирск, из неё спаслось не более 5 человек, остальных убили в разных деревнях повстанцы. Семь человек дружинников было убито в деревне Сорокиной, в камышах около речки Шады. Их окружили кулаки и предложили им сдать оружие, поклявшись всеми «святыми», что их отпустят домой. Поверили красногвардейцы божбе и заклинаниям кулачества и сложили перед ними винтовки. Как только кулаки овладели оружием, они набросились на пленников и растерзали их. Одного красногвардейца убили в поле около деревни Елышево, кулаки этой деревни – Рогозин Дмитрий и другие.

В Елышевой, в доме кулака Ишмекова Александра сидел арестованный учитель Веселов, ехавший из Бирска к себе в Новотроицкое. Около 12 часов дня вбегает в дом сын кулака, парень лет 22, весь измазанный кровью, злорадно гогочет и, засучив рукава и потрясая кулаком, кричит:

– Одного большевистского защитника сейчас ухлопали! Так измясничали, что любо!

Взглянув на незнакомца, замолчал. Наспех плеснул из умывальника на окровавленные руки несколько капель воды, отёр их какой-то тряпкой, на ходу полушёпотом спросил у своего отца: «кто это?» и, получив полушёпотом же ответ: «это новотроицкий учитель, арестован и сидит до выяснения», – бросил на незнакомца косой взгляд, мотнул несколько раз окровавленной рукой перед иконами, сел за стол, наскоро выпил две чашки чаю и опять умчался.

Вторая группа красногвардейцев в 26 человек, скрываясь от преследования конного отряда новотроицкого кулачества, бросилась по речке Бирь, укрываясь от выстрелов в низине, где тьма была гуще, и кое-где росли кустарники. Бежали они в беспорядке и заблудились. На рассвете попали в накаряковский лес – Тимашевскую лесную дачу.

Для поимки этого отрядика вызвался сын новотроицкого кулака, Легостаев Иван. В Накаряковой он взял с собой ещё одного кулака, Каменева Никифора, оба переоделись в рваную одежду и под видом бедняков, скрывающихся от повстанцев, направились в лес.

Утром тяжелораненых Нелидова и ещё пять человек дружинников кулаки, отобрав у них оружие, приволокли в «коллегию» для допроса. Коллегия из Турова Григория, Кочергина Фёдора и Ширяева Ивана, развалясь в креслах, вела допрос, а палачи, разворачивали пленным раны, щипали их тело, выворачивали руки и ноги, добивались от них того, чтобы эти люди перед населением сказали о «грабежах большевиков», сообщили бы им, какие силы у них в Бирске, какое оружие, сколько его и где оно. Что намерены, были предпринять большевики в дальнейшем, куда хотят бежать, много ли золота у них и т.д. Ничего, не добившись, вывели их на растерзание толпы, с нетерпением ждавшей жертв.

Как только показались на крыльце дружинники, в том числе и товарищ Нелидов, у которого из раны сочилась кровь, бандиты набросились на них, сорвали одежду, сапоги. С. Доронин со своим работником Питаем, бросились срывать обручальное золотое кольцо у одного из дружинников. Кольцо не снималось. Тогда Доронин с Питаем, по очереди грызли палец. Дружинник-красногвардеец вырвал руку из зубов бандитов, бил их кулаком левой руки по лицу, но они добились своего: отгрызли палец, сняли кольцо и принялись уничтожать своих побеждённых противников.

Палки и колья взвивались в воздухе, тяжёлые сапоги топтали тела пленников. С расплюснутыми черепами и грудными клетками, с перебитыми руками, ногами и вырванными внутренностями трупы красногвардейцев были брошены под навес.

Легостаев Иван и Никифор Каменев, направившись в лес, встретили, наконец, группу беглецов-красногвардейцев, заявив им, что они тоже бежавшие и скрываются от повстанцев. Вскоре Легостаеву удалось войти в окончательное доверие дружинников, тем более что он встретился здесь со своим товарищем по военной службе в продовольственном отряде в Саратове и вместе демобилизовавшимся в апреле 1918 года.

Через полчаса «дружеской» беседы кулаков с дружинниками, Легостаев предложил осторожно войти в село Накаряково, в крайней избушке у знакомого Легостаеву мужичка выпить чаю и направиться всем вместе лесными дорогами в Бирск. Большинство доверчивых дружинников предложение было принято. Часть же красногвардейцев следовала очень неохотно и с предосторожностями.

Чтобы окончательно ликвидировать подозрение, Легостаев и Каменев, идя впереди, озирались по сторонам, останавливались, прислушивались и то крадучись, шли медленно, то быстро перебежали от кустика к кусту, от одной поляны к другой, прислушиваясь, и опять шли вперёд. Такими манёврами они окончательно рассеяли подозрения. По оврагу, поросшему лесом, вышли как раз напротив села Накарякова. Легостаев сделал вид, что испугался и крикнул:

– Ах, чёрт возьми, ведь мы ошиблись, не туда попали! Ну, ничего, мы вот здесь по берегу Биря пойдём, вон через эти кусты и нас никто не заметит. Да впрочем, и опасаться нечего: вероятно, все мужики в Новотроицкое ушли, ведь силой выгоняют всех.

Прошли ещё несколько шагов и... все оказались в тесном кругу кулацкой засады. Из кустов торчали дула ружей. Кульбиков Фёдор, фельдфебель старой царской армии, командовал:

– Отряд, слушай мою команду! Приготовиться к бою. Двадцать человек, два отделения ко мне!

Двадцать человек выскочили из кустов и потребовали у красногвардейцев сдачи оружия, обещая не тронуть их и отпустить домой в Бирск.

– Сдавай, ребята, оружие: нам оно нужно, а вам бояться нечего, – сказал В. Култышев. – Вы все молоды и вы не виноваты – вас начальство послало, и вы должны были идти. Как сдадите нам оружие, так и отпустим вас на все четыре

стороны. Дорогу укажем и разьясим, как лучше и безопаснее дойти до Бирска. А, может быть, и с нами пожелаете участвовать против большевиков. Решайте сами.

Красногвардейцы, поглядывая на выставленные кругом дула ружей и винтовок, сдали оружие.

Обезоружив таким вероломным образом красногвардейцев, толпа бандитов высыпала на прогалину и загоготала:

– Ха-ха-ха! Теперь вы, соколики, в наших руках!

Разделив на группы арестованных, их начали избивать. Несколько человек успели скрыться. Избиваемые напомнили о том, что им обещали свободу. Каменев, В. Култышев и Ф. Кульбиков крикнули в ответ:

– Нашли дураков – нападать на вооружённых! Вот с безоружными-то и можно повоевать! Теперь и морду твою большевистскую раскрасим, так не осердишься!

– Товарищ Легостаев, во имя нашей дружбы заступись! Понимаешь ли, что ты наделал! Ведь это подло! – крикнул, было, дружинник, бывший сослуживец Легостаева. Но тот злорадно захохотал и крикнул:

– Что я тебе за товарищ? Разве мы с тобой вместе ходили воровать? В лесу был товарищ, пока одурачивал вас, а теперь нет. В такой борьбе родного брата не пожалею. В корень истребим большевиков!

– Легостаев, подумай, ведь у меня мать, сестрёнка... без меня погибнут! – с мольбой перебил своего врага дружинник.

– Нам вот это и надо! Всех истребим! Ха-ха-ха! Друга нашёл! То ли ещё выкинем! У нас тут хватит, – указал Легостаев пальцем себе на лоб и, вооружившись, камнем, принялся долбить своего друга по лицу и по голове.

– Предатель! – вскричал приятель Легостаева и отбросил его далеко в сторону. Но тут же налетели на него Култышев, Каменев, сбили с ног. Избили красногвардейцев, связали их и направили в Новотроицкое на суд и расправу.

Убедившие красногвардейцы подверглись той же участи. В это время, когда они бежали, к лесу подъезжал отряд кулаков под командой Федотова и Казакова Дмитрия. Бежавших обнаружили, догнали, и началась расправа. Дмитрий Казаков топором ударил по шее одного красногвардейца семь раз и восьмым взмахом рассёк ему голову. Паутов Андрей подстрелил двух из дробовика, раненых добились, чем попало.

Пока Легостаев И. гонялся за красногвардейцами, в Новотроицком толпа бандитов не оставалась без дела. Караул и разъезды доставили в село партию захваченных в плен добровольцев, шедших в Бирск для поступления в Красную гвардию – на борьбу с чехословаками и казаками Дутова.

Толпа расступилась. Вводили юношей. Один из повстанцев, Сухоев Василий, глядя на молодёжь, сжалился и сказал:

– Граждане, посторонитесь, их бить не стоит, они молоды, зла нам никакого не сделали. Коллегия их допросила и отпустила...

Не успел Сухоев закончить последние слова, как краснорожий, как рак, Батраков В. набросился на него:

– Ах ты, изменник, сукин сын, за врагов заступаешься! Бить его надо!

Мариец-кулак, приятель Батракова, ударил Сухоева по голове дубиной, тот упал. Татарбаевские кулаки и подкулачники набросились на него и так избивали и истоптали, что он на третий день умер.

Добровольцев толпа встретила руганью:

– Молокососы, антихристов защищать пошли!

– На нас и наших братьев нож точили, а тут и сами попались! – кричали из толпы, плевали на них и кидали в лицо грязью. Батраков снова закричал:

– Бей их, проклятых иродов!.. Что тут с ними ещё разговаривать...

Взвились кистени и палки, поднялась молотьба. Один из избиваемых бросился вперёд, чтобы скорее проскочить сквозь толпу. Козлов Дмитрий бросился на него с железными вилами и вонзил их в живот юноши. Озверелая

толпа под руководством Василия Батракова и Пономарёва Тихона с хохотом топтала цветущую молодёжь и, обнажив их, находила особое удовольствие в выдавливании внутренних органов.

Расправившись с молодёжью, многие начали, было расходиться по домам. В задних рядах раздался радостный возглас Ширяева:

– Стой, ребята, ещё ведут!

– О, этих много! Отведём над ними свою душу! – кричал Оська Накаряков.

– Хватит нам расправляться с ними до вечера! – поддержал его Илья Гордеев.

Действительно, по улице села вели двадцать красногвардейцев из Бирского отряда, пойманных Легостаевым в накаряковском лесу. Впереди на вороном коне ехал Никита Туров с наганом в руке, их встретил в Рефандах. Толпа шире расступилась перед своим начальством. Только отдельные смельчаки, терявшие терпение, выскакивали из толпы, сыпали удары и тотчас же скрывались обратно в толпу.

– Не утерпел, а приказу нет. Сейчас пойду во двор, чтобы не упустить случая. Душа горит, руки чешутся, – оправдываясь и высказывая свои настроения, бормотал Пашка Гордеев.

Пленных ввели в здание исполкома, где временная коллегия допрашивала их по одному. Опрошенных отводили в прихожую (она же сторожевая комната), где предлагали им раздеваться и разуваться. В это время всякий, кому не терпелось испачкать руки кровью, вбегал и торопливо бил и пинал в лицо беззащитных.

Всех красногвардейцев отводили в амбар. По пути следования били их все, у кого «горела душа» жаждою крови. У одного из пленных выпал наган, – наган схватили, а красноармейца тут же растерзали.

Через полчаса «Новотроицкое правительство» выносит приговор – убить всех большевиков. Толпа кулаков и подкулачников с нетерпением ждёт приговора и волнуется:

– Неужели ещё отменяют? Что так долго судят?

Выбегают во двор П. Змеёв, П. Сидоров и П. Гордеев. Последний кричит:

– Есть! Ребята, вооружайся, кто, чем может! Бей крепче!

Выводили по одному из амбара. Толпа зверствовала. Палки, кистени и каблуки – всё было в ходу. Кончено с красногвардейцами. Толпа поворачивает к арестантской, где были заперты искалеченные и изуродованные волостные комиссары. Загremел замок. Палачи потирали руки в ожидании новых жертв.

Вытащили Южакова, Черепахина, Пашкова, Смолякова и Зязева. Толпа набрасывается на них в беспорядке: каждому из кулаков и подкулачников хочется скорее и усерднее приложить свои руки, потерзать жертвы, чтобы потом похвастаться перед всеми своею жестокостью, а беднякам – чтобы без угрызения совести получить от Туровых подарки за своё усердие – по восьмушке фунта чаю и по полфунта сахару.

Все изощрялись в применении самых жестоких издевательств: выбивали зубы, пресекали к зубам губы, и, обрывая, отбрасывали их, разворачивали скулы, вытягивали языки, топтали, рвали всё тело, выворачивали руки и ноги. Невообразимая давка, гиканье, хохот, крик, стоны – всё это слилось в какое-то жуткое звериное рычанье, сотрясавшее воздух перед окнами дома, где в это время заседала коллегия.

На крыльцо выскочил офицер Туров, взобрался на стул и, остановив побоище, крикнул:

– Очистите площадь! Копейщики, вперёд! Прапорщик Устюгов, вы, Егор Антонович (Братилов), и прапорщик Самокрутов, будете пропускать по очереди. И в бою должен быть порядок. А то своих можете побить. Беспорядка допускать нельзя!

Отряд копейщиков выстроился полукругом. В это время несколько жертв поднялось на ноги. Изуродованные, окровавленные, они падали, опять вставали.

Саинов, представитель Бирского уездного исполкома, захваченный в имении помещика Груздева вместе с Южаковым, встал на колени, стараясь поднять полуразмозженную голову и, опираясь на перебитые руки, делал усилие встать.

– Ишь, гололобый, задом сбежать собирается!.. Это тебе не груздевская земля, а новотроицкое правосудие, – крикнул Андрей Мельцов.

На это гнусное замечание раздался взрыв хохота. На крыльцо вышел молодой кудрявый брюнет – помещик Балаев, посмотреть на уничтожаемых врагов. Улыбка удовлетворения перекосила его лицо. За ним плавно выкатил старик Григорий Туров, покачивая своим толстым брюхом. Слегка встряхивая напомаженными волосами, он прищуренным, самодовольным взглядом окинул толпу, с брезгливой ненавистью посмотрел на корчившиеся в грязи истерзанные жертвы и сказал:

– Вот вам наша земля! Сажень на всех дадим вам в валёжной яме!

– Проклятые! – хрипло произнёс Степан Южаков и, шатаясь, направился к Турову. Из толпы выскочил А. Полоушев и пронзил его штыком, в грудь. Южаков, ещё сделав шаг вперёд, вскричал: «А всё-таки будет по-нашему, а не, по-вашему» и свалился.

– Ишь, какой живучий! Нечистый дух в него вселился: прокололи штыком, а он всё кричит... Бейте их, окаянных! – кричал Никифор Каменев.

Вытащили остальных – Пашкова, Луканина и Накарякова А. Толпа прорвала цепь копейщиков и снова набросилась на свои жертвы. Петька Накаряков, впоследствии, при белогвардейщине, именовавший себя «чехом», яростно рвал волосы, уши, выворачивал руки и ноги избиваемым. Нечаев Андрей топтал Пашкова, приговаривая: «Вот тебе наш хлеб! Вот тебе твёрдые цены!».

Избиение кончилось. Истреблены главные враги кулачества – советские работники волости и красногвардейцы из отряда Нелидова.

Подъехали телеги. Изуродованные трупы с перебитыми руками и ногами, размозжёнными головами, лежали на месте расправы. Их стали складывать на подводы для отправки в валёжную яму, куда свозил павший скот.

После побоища толпа была распущена по домам, напутствуемая хвалебными речами организаторов восстания. Они предложили всем аккуратно явиться по первому зову для окончательной расправы с оставленными в живых новотроицкими дружинниками и со всеми сочувствующими большевикам.

Толпа уменьшилась. Довольные расправой, шумно разъезжались по своим деревням конные и пешие отряды кулаков, вооружённые пиками, вилами, дробовиками, изредка винтовками и наганами.

Крупные кулаки во главе со своим представительством – «временной коллегией», устроили торжественное заседание. На этом заседании им необходимо было разрешить серьезные вопросы: о раздаче наград и подарков отличившимся, организовать толпу в регулярную армию, установить твёрдый порядок и боевую дисциплину, укрепить свой тыл поимкой всех разбежавшихся и покончить со всеми оставшимися в живых и их родственниками.

Кулаки и подкулачники нехотя уходили домой: каждому из них ещё раз хотелось взглянуть на «великое» дело рук своих.

Убито было около пятидесяти человек только в селе Новотроицком и несколько человек в соседних деревнях, в Кизганбаше убили человек двадцать.

14.

Трупы, или, вернее, груды человеческого мяса, были сложены на телеги. Телеги тронулись в сопровождении Шерстобитова Александра, Щаднева Ивана, Тихона Лаптева и других. Вслед им из поредевшей толпы кричали:

– Большевики поехали за свободой землю делить!

Никто из родственников и друзей, убитых не провожал. Не было слёз. Только дома, вдали от кулацкого взора, жёны, матери, и дети убитых оплакивали своих родных украдкой, боясь кулацкой расправы за сочувствие.

Время уже к вечеру. В поле тишина. Солнце, клонясь к закату, льёт всё ещё жгучие лучи на колосившуюся рожь.

Высоко в синеве невидимый жаворонок беспечно поёт свою мелодичную песню. Скрипят телеги, наполненные жуткой кладью. Шерстобитов Александр понукает свою лошадь, торопится... Вдруг поднялась голова из вороха убитых, и послышался голос:

– Отпусти меня, товарищ, в рожь. Я никому здесь не покажусь, и никто не узнает, что ты отпустил меня.

Шерстобитов молча ударил лошадь кнутом и поехал быстрее. Голова опять исчезла в окровавленной груди тел.

Телеги с трупами направлялись к трём ямам. Там, на дне их, могильщики из подкулачников приготовили небольшие углубления. Вот подъехал к одной яме Александр Шерстобитов, подвернул телегу и, приподняв заднее колесо, как навоз, вывалил трупы.

На дне ямы трое зашевелились, сделали попытку встать. Козлов Дмитрий и О. Гордеев сбежали вниз. Козлов ударил одного вилами в грудь. Вилы были тупые, оживший схватился руками за них. Гордеев ударил его по рукам лопатой и отрубил два пальца. Козлов нажал ногой на вилы. Хрустнули кости, вырвался стон. Козлов дёрнул вилы и поднял труп на четверть метра. Брызнула кровь. Побежала по телу последняя судорога...

Двоих зарыли живыми. На их могилах долго топтались и прыгали могильщики с искажёнными от злости лицами. Последний раз топнул ногою запыхавшийся Гордеев, обтёр рукавом рубахи катившийся пот и пробормотал:

– Живучи коммунисты: ты его вилами, аль лопатой, а он тебя в зубы норовит!

На другом берегу валёжной ямы ребятишки – Костя Осетров и другие, собравшиеся посмотреть эти страшные похороны, в ужасе наблюдали, как задыхались под землёй красногвардейцы, как он силились выбиться из сил и ещё хоть раз вздохнуть чистым свежим воздухом. У Кости на ресницах блестели слёзы, горло сжимали спазмы от сдерживаемых рыданий...

Вторая телега с трупами остановилась у следующей ямы, вырытой поодаль. Здесь Луканин и А. Накаряков очнулись, приподнялись, сели, смутно осмотрели лица своих могильщиков, яму со свежей землёй и окружающую местность. Им ясно представилась вся действительность. Луканин оперся, было правой рукой на облучок телеги, рука согнулась в изломе. Почувствовав резкую боль, он стиснул зубы, поморщился и обратился к Яковлеву:

– Николай, ты бедняк, интересы у нас общие... Я... не просил... пощады... у Туровых..., и... их приятелей..., отпустите нас с Накаряковым.... Мы уйдём в лес... и никому здесь не покажемся,... никто не узнает.... Ты будешь спасён от наказания. Наши красные придут... большевики не оставят... безнаказанным кулачество...

– Дайте пить, – попросил Луканин. Смирнов зачерпнул шляпой воды из лужи и утолил жажду обречённых на смерть. Получив категорический отказ отпустить их, Луканин просил сказать жене о том, что он дорогой ожил и живым ложится в могилу. Содрогнувшись, он добавил:

– Добейте лучше сейчас!.. Страшно задыхаться в могиле!

Трофимов ударил его лопатой. Луканин свалился с телеги. Смирнов ударил А. Накарякова по затылку.

С телеги свалили трупы в яму и сверх туда же бросили Луканина и ещё живого Накарякова. Привезли ещё два воза трупов и свалили тут же. Ожил, зашевелился Смоляков, силился встать, но перебитые руки и ноги не давали возможности опереться. Яковлев Николай лопатой размозжил ему голову.

Накаряков очнулся и выбился из-под трупов. Палачи торопились зарыть трупы. Они нагло и грубо смеялись над задыхающимся человеком, у которого ещё сердце билось, возвращалось сознание, и лёгкие требовали свежего воздуха. Накаряков чувствовал боль, понимал ужас положения, слышал, слышал, как его соседи, почти из бедняков, которым он оказывал помощь и содействие, так глумятся над ним, увеличивало его страдания. Он задыхался, в висках стучало,

руки судорожно разбрасывали землю в борьбе за жизнь. Беспощадные враги зарыли живым юношу Накарякова. Долго ещё на этом месте подымалась земля. Долго топтались на ней палачи...

Может быть, и в третьей яме также зарыли живыми, но о ней нет сведений, о ней палачи молчат.

Расправа с главными врагами новотроицкого кулачества закончена. Лучшая, передовая часть бедноты зарыта в землю, небольшая группа её в бегах, многие томились в амбарах, ожидая той же участи, которая постигла первых. Пощады от кулаков не ждали, и не было мольбы о помиловании. При всех жестокостях кулаков они бесстрашно умирали, уверенные в победе. Они не знали учения Маркса и Ленина, но ни разу не усомнились в идее революции, намеченного партией во главе с товарищем Лениным. И это чувство, эта вера увеличивала их стойкость и мужество. Они с досадою осуждали себя за недостаточную бдительность и мягкотелость, за свою неопытность. Эти чувства Южаков ярко выражал при его избиении и, умирая, вскричал: «А всё-таки будет по-нашему, а не, по-вашему!».

15.

«Временная коллегия», упоённая успехами, строила грандиозные планы борьбы с большевиками.

Решено на завтра, то есть, на 18 июня, снова собрать всю массу населения не только Новотроицкой волости, но и всех окружающих волостей, создать добровольческий отряд, чтобы при его содействии организовать полки из всех мужчин, способных носить оружие и двинуть эту армию на Бирск. А Туров отец добавил:

– В Бирске соединиться с казаками генерала Дутова и двинуться на Москву, как встарь шли Минин и Пожарский...

Не успел остыть энтузиазм, вызванный «вдохновенными» речами Григория Турова о «великом походе», как на заседание коллегии без всякого разрешения врывается начальник по проверке караулов Шерстобитов Никита и растерянно докладывает:

– Беда! В караулах бунт! Сам своими ушами слышал, как молодёжь кричала: «Доколе они будут зверствовать над нашими товарищами – солдатами? Винтовки в наших руках. Не лучше ли их повернуть против них же самих? Они тут наделают делов-то, да скроются, а мы расхлёбывай! У них лошади, деньги, знакомые, а мы куда денемся?».

– Что вы это, Никита Поликарпович, такую панику наводите! Кто это сказал? От кого слышали? – спросил офицер Туров.

– Обождите, – едва переводя дух, ответил Шерстобитов, – говорит вся молодёжь, все. Караулы теперь из кого у нас? Мы все здесь на отдыхе, а в караулах они, беднота, сторонники большевиков.

– Да кто же всё-таки сказал-то? – строго спросил Туров.

– Умру, но не скажу. Их много. Они меня растерзают. Подъезжаю, это к караулу, слышу такой разговор, и – ко второму, третьему – тоже... Я и давай гнать сюда.

После такого сообщения воодушевление коллегии понизилось. Решили действовать осторожно и даже пойти на уступки: отпустить менее опасную часть арестованных, оставленных в живых, взяв с них клятву – большевикам не служить. А когда надо, их можно будет взять. Раздать ещё подарки, разослать приказы.

Балаев составил приказ, писцы опять заскрипели перьями. Никита Туров, Ширяев и Кочергин подписывали. Гонцы помчались по селениям с пакетами.

Утром 19-го июня «временная коллегия» собралась в полном составе. Перед амбарами толпа ждёт разрешения на расправу. На табуретку влезает Кочергин Фёдор:

– Граждане, самые опасные большевики уничтожены. Бояться больше нечего. Но у нас ещё сидят в амбарах несколько десятков человек, менее опасных.

Мы ведь люди, не звери, мы православные христиане. А Христос велел прощать обиды. Мы их прощаем. Как вы на это смотрите?

Толпа безмолвствует. Каждый в своих мозгах ворочает тяжёлую мысль: отчего такая перемена настроения у коллегии? Откуда взялась такая милость у самого кровожадного зверя – Фёдора Семёновича? Несколько голосов вразброд отозвалось:

– Кончать надо всех!

– Отпустить надо! А то, как бы самим нам не очутиться на их месте!..

Звякнул замок у входной двери арестантской. Ёкнуло сердце арестованных – Харина, Веселова, двух Перевышиных, Чуракова и других: «Конец приходит», – думают они. Подбегает Сидоров и кричит:

– Вас простили. Выходите, вставая на колени, и кланяйтесь всему народу, просите прощенья, креститесь и клянитесь, что вы больше защищать большевиков не будете.

Арестованных отпускали и отдавали на поруки. Харину долго пришлось стоять на коленях, так как его никто не хотел брать на поруки, как «опасного».

Веселов Герасим пришёл за своим сыном Григорием и сказал:

– Я поручаюсь, граждане...

Не успел он вымолвить последние слова, как Гордеев Оська схватил его за шиворот и начал избивать. Подскочил Осетров Трофим и закричал:

– Старый ты пёс, поручиться пришёл! Наплодил ты их, окаянных большевиков.... Из-за твоего-то Андрея и мой Митюшка попал сюда, и он натерпелся страху.

– Попал и Андрюшка. Вот скоро привезут его, – кричит Оська Гордеев, подтыкая Веселова под рёбра.

Подъезжает разведчик и докладывает:

– Веселов А. убежал. Видели его – едет из Бирска и дружину за собой ведёт в восемьсот человек.

Никита на него прикрикнул:

– Не бреш!

– Ей-богу, сегодня видели его в Новосёлке. Скоро должен приехать.

Снова помчались разъезды. Снова укреплялись позиции. Все отряды поставлены спешно на свои места. Усердные подкулачники были вызваны в магазин Туровых, где раздавались им подарки. Кому по восьмушке фунта чаю, кому по четвёрке табаку или по полфунта сахару, смотря по личным заслугам, инициативе, или по положению в общественном мнении.

Целые сутки носились вокруг села, целые сутки защитники окопов сидели в напряжённо-лихорадочном состоянии. Так же целые сутки нервничали члены новотроицкого «правительства», ожидая такую огромную силу – в восемьсот человек! Все члены «временной коллегии» готовились секретно к побегу. Но наружно были спокойны и увещевали толпу повстанцев стоять твёрдо и разбить красных также, как разбили первый Бирский отряд А. Нелидова.

На самом деле никакого отряда не было. Это была «утка», пущенная для отрезвления бандитов и спасения товарищей. Но, к сожалению, этот слух запоздал.

Веселов А. был арестован в Елышевой и сидел под арестом в доме Ишменева. Здесь, разговаривая с хозяином, он сказал:

– Скоро будет конец царству кулаков. Большевики вызывают из Казани семь тысяч человек красногвардейцев в Бирск. Из них семьсот человек с пулемётами направляют в Новотроицкое. Отряд должен приехать сегодня ночью.

Услыша такую весть, старик Ишменев куда-то скрылся, оставив присмотреть за арестованными женщину. Вскоре хозяин возвратился, а через несколько минут явились комитетчики, под ответственность которых был оставлен Веселов. Веселов спросил – может ли он ехать в Новотроицкое сейчас или подождать отряд около семисот человек, которые скоро будет здесь? Комитетчики ответили:

– Новотроицкое гуляй, Бирского не пускам (комитетчики были марийцы).

Комитетчики, из боязни подвергнуться репрессиям отряда, быстро отыскали подводу и даже помогли вынести багаж. Во дворе Веселов, идя на риск, смело сказал:

– Граждане, бросьте это дело! Семь тысяч с пулемётами и орудиями – ведь это огромная сила. Завтра же семьсот человек окружат Новотроицкое и захватят всех бандитов. А если вы не прекратите безобразий, доберутся и до вас.

Этот слух, по-видимому, серьёзно встревожил не только новотроицкий штаб, но и новосёловских (мало-накаряковских) кулаков и подкулачников, которые окружили Веселова, когда он проезжал по их деревне на паре с колокольчиком, стараясь придать себе победный вид. Вместо того чтобы арестовать его, они поздоровались и робко спросили:

– Что нового в Бирске?

– Новое в Бирске то, что туда прибывают семь тысяч красногвардейцев. А что в Новотроицком?

– Не знаем, – ответил Колобов Степан.

– Как же вы это не знаете, когда говорят, что вы были первыми зачинщиками? – резко спросил Веселов, видя некоторое замешательство в толпе.

– Ей-богу, мы ничего не знаем! – ответил Степан Кочергин, – ведь нас когда вызовут на караул, ходим и опять домой. Наделали они там делов, пусть и расхлёбывают сами. А мы тут ни при чём.

– Да, сейчас вот за мной идут семьсот человек с пулемётами. Ну, ямщик, трогай скорее! – заторопился Веселов. Толпа расступилась.

Вскоре вдаль от дороги проскакал верховой из Мало-Накаряково напрямиком через гору в Новотроицкое.

Итак, днём похорон жертв борцов за революцию кончилось торжество буржуазии Новотроицкой волости. Наступили дни тревог и ожидания справедливой кары. Пыл толпы остыл, боевое настроение понизилось. Это настроение подогревалось речами организаторов восстания и набатом. Подкулачники, получившие «премии», хотя и аккуратно выполняли свои обязанности, но как-то вяло, нерешительно. Уж не было восторженной хвастливости в изобретательстве пыток над большевиками. Уже давались и отбирались клятвы – не выдавать друг друга и никому не рассказывать «в случае чего».

Введена была твёрдая дисциплина. Созданы были отряды с постоянным составом. Командование принял на себя Никита Туров, ближайшими помощниками назначил и провёл приказом офицеров – Ивана Шляева и Ивана Устюгова. На низшие командные должности назначены были Пётр Самокрутов, Охезин Кузьма, Братилев Егор, Кульбиков, Никита Шерстобитов и другие.

20-го июня вечером разведка донесла «высшему командованию» Новотроицкого достоверные сведения о том, что «Шуганов с отрядом в Байках, связался с Кинешемским продовольственным отрядом. Оба отряда выступают на подавление новотроицкого восстания. В Артакуле выпущены на свободу все большевики. Наши все разбежались по лесу».

Начальник штаба Балаев строчит приказ: «Восстановить положение. Организовать оборону Артакула. Не имеющих оружия послать в Новотроицкое на подкрепление. Поднять окружающие деревни и добиться разложения отряда Шуганова».

С пакетом высылаются десять человек, которым даётся задание выяснить определённо: велик ли отряд Шуганова, куда он намерен идти и что предпринимает.

Отряд товарищей Шуганова Якова и Зязева Л.М. действительно в эту ночь в Артакуле напал на караул повстанцев и выпустил из амбаров 25 человек арестованных, которые были обречены на смерть: расправа над ними намечалась на завтрашний день. Помощь подоспела вовремя, через несколько часов было бы уже поздно. Отряд состоял из 36 человек: 12 человек артакульцев, 10 человек

шороховцев-тюинцев (Тюинского завода) и 14 человек из Байкинской волостной дружины под начальством Гундорина. Выпустив арестованных, отряд пополнил свои ряды и направился в тот же день в село Байки, так как получил сведения, что туда идёт отряд «быртымских казаков».

Из Шороховского отряда вызвались два дружинника в разведку: Кибардин Иван и ещё один. Когда в Байки явились «быртымские казаки», то местное кулачество, почувствовав себя прочно, арестовало Кибардина и его товарищей, кроме того, были арестованы ещё несколько человек, все они были избиты и заперты в арестантскую. Руководителем начавшегося восстания кулаков был помещик из Аскина, Мамыкин П., и байкинские кулаки – Безденежный Алексей и Феденёв Андрей. «Казаки» расположились в Байках ночевать. Собрались на совещание, где вынесли смертный приговор арестованным и постановили привести его в исполнение на рассвете.

Отряд Шуганова и Шорохова в сумерках подошёл к Байкам. Послали ещё разведку. Через полчаса, когда окончательно стемнело, наши удалыцы, точно не узнав численность отряда «быртымских казаков», направились в середину села и засели около моста. Несколько человек на соседней улице подняли перестрелку, чтобы вызвать панику среди противника. «Быртымские казаки» выскочили из домов и открыли по улице стрельбу. Шугановский и Шороховский отряды, рассыпавшись в цепь около моста, на несколько минут открыли ураганный огонь. Казаки не выдержали и бросились врассыпную через брод речки Байки, с криком «алла, алла». Оказалось, что это были не казаки, а кулачество из деревни Быртым, Дуванской волости. Итак, «быртымские казаки» мчались без оглядки. Несколько человек бросились за ним в погоню.

Светало. Отряд Шуганова и Шорохова подходил к зданию ВИКа. Кибардин вырвался из арестантской и побежал навстречу своим. Его чуть было не пристрелили свои, думая, что это удирает кулак. Кибардин бросился за убегающим помещиком Мамыкиным, который, несмотря на свою тучность, уже карабкался в гору за селом Байки, чтобы скрыться в лесу. Здесь Кибардин его догнал и задержал. Арестовали ещё двух кулаков, организаторов ареста дружинников и избияния их. Судили и расстреляли – помещика Мамыкина, Безденежных Алексея и Феденёва Андрея.

Около села Абызова в маленькой деревушке «быртымские казаки» остановились на отдых. Сюда же стекалось байкинское кулачье. Разведка, посланная соединённым Байкинским отрядом, из товарищей Пестрова, Минеева и второго Гундорина, попала в плен. С пленными байкинское кулачество зверски расправилось. В особенности издевался и мучил пленников Аркашка (фамилию его узнать не удалось).

16.

23 июня разведка донесла кулачеству, что из Байков выступил отряд Шуганова, Зязева и Зеленкина и двигается на Новотроицкое. Из отряда Шуганова были посланы Зязев и Зеленкин для переговоров и связи с Кинешемским продовольственным отрядом, стоявшим в 50 верстах от Байков. Эти два отряда подвигались разными дорогами к Новотроицкому. Почти одновременно вышел из Бирска отряд в 70 человек под командой товарища Винокурова П., члена Бирского уездного Совнаркома. Винокуров остановился в Елышевой и выслал разведку.

Новотроицкое «правительство», узнавши о появлении отряда Винокурова с одной стороны, Шуганова и Кинешемского отряда с другой, серьёзно струсило и заметалось. Снова было собрано всё кулачество из Новотроицкой, Кизганбашевской, Бураевской и Старо-Балтачевской волостей. Пятитысячная толпа разбита на отряды – Новотроицкий, Накаряковский, Иштыбаевский, Кизганбашевский, Татарбаевский и другие более мелкие. Вооружение отрядов было самое разнохарактерное: две-три винтовки, десяток или два дробовиков, сотня пик и копий, изготовленных в Новотроицком, остальная масса отряда вооружена кто, чем попало: вилами, топорами, заострёнными палками.

Укрепляются окопы. Проверяется стойкость бойцов. Бесперывно носится конная связь к штабу и оттуда на боевые участки.

В ночь на 24 июня решено было разбить отряды красных поодиночке.

Шугановский отряд остановился в Подлубовой, Кинешемский в Мало-Новотроицкой и ждали, когда подойдёт к селу Новотроицкому Бирский отряд Винокурова. Этой нерешительностью и медлительностью отрядов воспользовались кулаки для подъёма духа своих защитников. Отдан был приказ выступить на Новосёлку, куда продвинулся отряд Винокурова, напасть на него врасплох и уничтожить, остальные два отряда ждать в окопах села Новотроицкого.

Двинулись ночью в поход. Дошли до Козяша по татарской дороге, чтобы с тылу ударить на отряд Винокурова. Но, получив донесение, что Бирский отряд уже проехал Новосёлки (Мало-Накаряково) и направился в деревню Рефанды, вернулись обратно.

Рано утром раздаются тревожные звуки набата, разносясь далеко по окрестным деревням. Отряды потянулись к окопам на южный конец села, к больнице, откуда начиналось наступление трёх отрядов.

Набат гудел. Суматоха усилилась. Всё слилось в какой-то невообразимый гул: церковный звон, крики команды, вопли плачущих женщин, топот конницы, торопливые шаги пеших отрядов. Толпа вытащила из церкви старинную пушку*. Её набили охотничьим порохом и разными металлическими обломками. Всё было подготовлено к обороне села.

24 июня был «день троицы», храмовый праздник в Новотроицком. В этот день, в былые времена в селе открывалась большая ярмарка. Сюда приезжало для торговли купечество из Бирска, Аскина, Бураевой и других крупных деревенских торговых центров. Собирались купцы поторговать и после хороших прибылей попьанствовать. Сегодня кулачеству было уже не до того: всё позабыто, все только и думают о том, как спасти свою шкуру. Домашние крупного кулачества тайно готовились к побегу. Запряжённые лошади стояли в закрытых на замок сараях и конюшнях, куда кулаками не допускались даже свои работники, чтобы последние не расстроили фронта своими рассказами о подготовке к бегству.

Пасмурен в этот день, ходил Григорий Туров. Куда девалась его важная осанка «повелителя» Новотроицкой волости! Сын его уже не вьётся вьюном, как прежде, он уже не уверен в своём авторитете, в победе. Сам готовится к побегу, а своим войскам отдаёт строгие приказания – стойко держаться в окопах, защищаться до последней капли крови, разбить большевиков, захватить оружие, пленников и расправиться с ними ещё более жестоко.

Ночью решили выслать разведку в расположение красных отрядов, чтобы узнать о силах большевиков и их вооружении. Не едет никто. Тогда Кокоулин Михаил и один из Бирского купеческого мира – или Горохов, или его приказчик (точно установить не удалось) вызываются ехать.

25-го июня рано утром эта разведка была красными отрядами захвачена и опознана.

Новотроицкое кулачество в окопах. Передовые линии вооружились винтовками. Лучшие силы кулачества – надёжные подкулачники – в передних рядах. Вторая линия окопов была занята отрядами, вооружёнными дробовиками, берданками, копьями и пиками. Вооружённые топорами, вилами, заострёнными палками, толпы отведены были под прикрытие в овраг перед Новотроицким. Конные отряды стояли под прикрытием по обе стороны главного пути, около реки Бирь и в овраге на северной окраине села.

В середине на мосту, под прикрытием небольшого бугра поставили «святую пушку». Отыскался храбрый «бомбардир-наводчик» Накаряков Никита. Он установил и зарядил пушку, приготовил новые заряды, прикрепил несколько

* Эта пушка приобретена была церковью в 1885 году, чтобы делать салют в пасхальную заутреню (авт.).

фитилей к длинным палкам, примерил их. Всё привёл в порядок, приготовился к бою и сам забрался под мост:

– Удобно и не опасно.

Из Рефандов тронулись цепи красных отрядов. Повстанцы замерли в окопах. Притихло всё. Наступает решительная минута.

– Артиллерия, огонь! – командует Туров Никита. «Храбрый бомбардир» вылезает из-под моста, трижды перекрестившись, быстро зажигает фитиль, а сам опять под мост. Грянул выстрел. Дрогнул мост. Металлическая ломь со свистом пронеслась в воздухе. Грянули частые выстрелы из окопов, точно из пулемёта.

В задних рядах замешательство: осколки от пушечного «снаряда» осыпали бандитов. Несколько человек бросились к «батарее» и в ужасе остановились перед неожиданной картиной: от пушки не осталось и следа. Бомбардир переусердствовал, и пушку разнесло на мелкие части.

Винокуров, услышав стрельбу из орудия, вынужден был остановить наступление. Он был в недоумении: откуда кулаки достали артиллерию? Пошли догадки и соображения – артиллерия, что-то похожее на пулемёт. Была послана разведка. Кроме военной разведки послали в село Новотроицкое женщину Акулину Теленкову, которой поручено было узнать, что за артиллерия и откуда появилась она, есть ли пулемёт, каково вообще вооружение? Кроме того, ей дали поручение вручить бедноте обращение о сдаче села Новотроицкого.

Воспользовавшись отступлением красных, руководители бандитов усердствовали перед толпой, убеждая её стоять крепко, духом не падать, бить беспощадно, за что все получают большую награду. Выступал с агитацией Туров Никита, Туров-отец, Кочергин Ф. и Шляев И. Толпа воодушевилась, слышались выкрики:

– Ура! Постоим за православную веру!..

– Никто, как бог! Его святая воля! Постоим!

– В случае победы пять бочек браги и в поход на Бирск и Москву! – завершает свою агитацию Туров Григорий.

Ночь. Тихо. Малейший шорох пугает и нервирует защитников окопов. Везде караулы. Верховые снуют по всем направлениям. Гонцы ускакали вызывать на подкрепление всех оставшихся почему-либо дома в деревнях других волостей.

Ночью беднота читает обращение Винокурова. Разговоры об обращении проникают и в отряды повстанцев. Некоторые колеблются. Командиры участков Шляев и Устюгов восстанавливают порядок и требуют жестокой дисциплины: «беспрекословно выполнять приказания начальства».

В штабе красных отрядов получены сведения от разведки, что артиллерии у повстанцев нет, пулемётов нет, была одна «святая пушка» и та лопнула от надсады.

Утром 26 июня быстро рассыпались цепи по полю, поблёскивая на солнце щетиной стальных штыков. Настойчиво и решительно ведётся наступление.

Повстанцы открыли стрельбу. Некоторые кричали красным, чтобы они сдавались. Из цепей красных раздался залп. Пули прожужжали над защитниками окопов...

– Пли! Пли! – раздалась спешная, нервная команда начальников боевых участков. Но выстрелы становились беспорядочными. Тыл кулачества дрогнул и отступил. Красные участвовали обстрел. В передних окопах стало оставаться невыносимо. Повстанцы замешались и поползли под прикрытие. Сам «главнокомандующий» растерялся. Он, разъезжая на вороном коне позади окопов, стараясь оставаться под прикрытием, хрипло кричал, чтобы в окопах держались стойко.

Цепи красных приближались. Залпы гремели. Дрогнули повстанцы и окончательно спустились под прикрытие, где стояла раньше злополучная «артиллерия».

Туров, видя, не устоять, помчался под видом укрепления фронта к реке Бирь, а потом ускакал домой. Крупные кулаки, в том числе и члены коллегии,

потихоньку «утекли». Дома поспешно нагружали телеги имуществом, торопились скрыться. Мелкое кулачество, самое воинственное в дни избиения безоружных, теперь пряталось за спины защитников окопов из бедноты и середняков.

Цепи красных продвинулись ещё ближе, залегли снова и дали залп. Пули взрыли первую дистанцию окопов. Повстанцы окончательно потеряли присутствие духа и бросились врассыпную. Когда цепь с винтовками дрогнула, то дробовикам и копейщикам давно пришлось удирать. За ними помчались «войска» с вилами, лопатами, кистенями, заострёнными палками. Охваченные паникой толпы людей бежали, выбивались из сил, спотыкались, падали, снова вставали и бежали дальше.

Ещё несколько залпов дали по окопам красные отряды. Ответа нет. Стрельба прекратилась, только слышался издали конский топот.

– Бегут, – сказал товарищ Винокуров, взобравшись на холм, откуда ему представилась картина панического бегства новотроицкого кулачества. Отряд пиковой и палочной конницы без оглядки мчался к лесу по поскотине, гикая на лошадей, и обгоняя друг друга. Пехота, побросав всё своё «вооружение», мчалась вслед за конницей. Два залпа, данных вслед, усилили панику. Осталось несколько человек защитников окопов. Они выкинули белый флаг. Сдаются.

Новотроицкие мятежники, прибежав, домой, наскоро запрягли лошадей, побросали в телеги свой скарб и ребятишек и помчались в лес. Поднялся вой баб и плач детей по всему селу. Телеги мчались в несколько рядов, обгоняя друг друга.

От быстрой езды по ухабистой дороге вылетали из телег подушки, узлы, сваленные в одну кучу на воз. Мужики ни на что не обращали внимания, беспощадно гоня лошадей.

Сноха Накарякова, сидя на возу, обеими руками цепко обхватила вещи, набросанные в беспорядке. Вот падает из телеги холст. Руки заняты. Она схватилась за один конец холста зубами, другой конец упал и распустился белой лентой по дороге. Вихрем налетела задняя подвода, лошадь наступила на тянувшийся холст. Женщина от внезапного толчка вылетает из телеги с вырванным зубом. Извиваясь под копытами лошадей и захлёбываясь кровью от выбитого зуба, вскочила с обезумевшими глазами, схватила холст и помчалась в лес, не отставая от лошадей, на ходу поднимая падающие из телеги вещи. Нахватала огромную ношу, выбилась из сил и растянулась на куче своего богатства.

На мосту через реку Бирь, в западном конце села, застопорился обоз. Визг, крики, ругань усилились. Многие повернули к кирпичному заводу и залегли, спрятались в печах между кирпичами.

Скрылись все – кто в лесу и оврагах, кто в печах кирпичного завода. Не успевшие выехать в лес попрятались в подполье, на сеновалы, в овины. В селе была зловещая тишина. Не бегали больше по селу копейщики и топорники, не бряцали шашками разъезды, не слышно топота их коней, не слышно ругани по адресу большевиков.

Остатки защитников окопов, побросав винтовки в овраг, выкинули белый флаг и продвинулись с ним за окопы, робко кланяясь и крича:

– Сдаёмся, мы не участники восстания. Повстанцы разбежались...

Пока шли переговоры красного командования со сдающимися, руководители и активные участники успели скрыться и попрятаться.

17.

По улицам Новотроицкого двигались красные отряды. Остановились они на площади перед зданием волостного Совета. Выпустили из арестного дома оставшихся в живых арестованных членов РСО, в том числе и Котову, заведующую избой-читальней Седяша Усы-Степановской волости, 5 красноармейцев-продовольственников и семейство товарища Нелидова – мать и брата, арестованных тогда, когда они приехали в село узнать о судьбе Нелидова Александра.

На следующий день собрали из леса весь народ села Новотроицкого. Собрались выпущенные ранее дружинники – Харин М., Веселов Г., Перевышин К., вышли из лесов скрывавшиеся во время кулацкого восстания Щаднев Алексей, Жихов и другие. Явились и члены Солдатской организации – Алексей Осетров и его сын Дмитрий, Осетров Дм. Тр., фельдшер, Пантелеев Я.М., Охезин Константин и другие.

Часть штаба поместилась в больнице, а вторая часть в здании ВИКа. Разосланы были красноармейцы с местными дружинниками для ареста кулачества по всем деревням Новотроицкой и Кизганбашевской волостей. Организовали судревтрибунал, в состав, которого вошли Пантелеев Я. и Охезин К. Организовали ячейку партии большевиков во главе с секретарём Осетровым Д.

Вскоре созван был волостной Съезд Советов, где избрали в состав исполкома – Осетрова Д.Т., Зязева Л., Зеликина Ив. Е.,01 и кандидатами к ним Пантелеева Як.М. и Охезина К.

Главные организаторы кулацкого восстания – Туровы все, Балаев, Устюгов Иван, Шляев Иван, Ширяев Иван, Накаряков Оська, Андрей Мельцов и другие, – скрылись. Вскоре арестованы были ярые участники кулацкого восстания в Новотроицком и в Кизганбаше.

Ревтрибунал разобрал первое дело кузнецов: Пастухова Василия, Сарапулова Федота и других, ковавших оружие пики для вооружения бунтовщиков. «Инженер-изобретатель», как величали кулаки Ширяева П, сбежал. Ревтрибунал оправдал Пастухова и Сарапулова, ввиду того, что они выполняли приказ под угрозой смерти со стороны временной коллегии. Схвачен ими был С. Доронин, который клялся и божился, что не участвовал в восстании, ставя бога и Христа, в свидетели в том, что в зверствах не участвовал. Но Харин и другие хорошо видели его с суковатой дубинкой, видели, как он набивал землю в рот Южакову, как он откусил палец с золотым кольцом. Его, как главного истязателя и палача, расстреляли на площади перед озером, где в дни восстания зверствовала толпа кулачества. Был расстрелян Черников Павел из Кизганбаша, крепкий кулак, один из организаторов Кизганбашевского восстания.

В следующие три дня Ревтрибунал приговорил к расстрелу, как активных участников восстания, главарей отрядов и палачей, издевавшихся над советскими работниками и дружинниками.

Всех бандитов судить не пришлось: 5-го июля получена была телеграмма из Бирска о том, чтобы подготовиться к выезду из села Новотроицкого в Николо-Берёзовку. Чехословаки подходили к Уфе. Губернский исполнительный комитет уже эвакуировался в Бирск. 7-го июля Винокуров выступил из Новотроицкого. Осуждённых вывели и в 3-х верстах от Новотроицкого, между Тимкинской дорогой и озером Бухмень на опушке леса расстреляли. Двое из них успели скрыться в лесу.

Арестованные в Новотроицком 250 человек повстанцев были отпущены. Главные организаторы восстания и активные его участники спаслись бегством от законного возмездия. Полковник Никита Туров, набрав в лесу несколько человек из участников восстания, присоединился к Аскинскому добровольческому отряду белых. Под с. Алмазом он наскочил на Тюинский партизанский отряд, и был убит. Его отряд нашими партизанами был разгромлен наголову в конце июля или начале августа.

Туров Иван и ещё несколько участников восстания скрылись за границу, в Китай. Некоторые из них скитались по Сибири и Казахстану, перебираясь с места на место и боясь быть опознанными.

5 – 6-го июля 1918 года оставив Уфу, исполком на пароходах прибыл в Бирск. В Бирске в это время проходил уездный Съезд, на котором, представитель Новотроицкой волости Зеленкин Иван Егорович сделал доклад о кулацком восстании в Новотроицкой волости, о всех тех мучениях какие перенесли они (советские работники, красногвардейцы и дружинники), – говорит докладчик, нельзя рассказать простым человеческим языком. Там было что-то ужасное,

кошмарное (см. газету «Рабочий, крестьянин и солдат» от 7-го июля 1918 года, издававшуюся в Бирске).

Наскоро закончил работу съезд. Некоторое время настроение было таково, чтобы защищаться в Бирске. Но, ввиду того, что пароходы по Белой, ниже Бирска, могли перехватывать чехословаки, решено было эвакуироваться. Вся революционная, передовая часть населения города Бирска и часть делегатов погрузились на пароходы и составили Бирский отряд под командой товарища Чернядьева.

Тяжело было оставлять свою местность, где проводили большую работу по укреплению революции на местах, свои семейства и ту бедноту, которая уже начала осознать, кто её друг и кто её враг.

Во время белогвардейщины в селе Новотроицком с июля месяца 1918 года по 1919 год семьи партизан и советских работников, убитых во время кулацкого восстания, терпели большие притеснения от кулачества. Кулаки несколько раз пытались уничтожить эти семьи, но теперь беднота и часть середняков протестовали против истребления. Семейства остались в живых, но отдельные личности подвергались избиению и уничтожению, вот примеры:

Убит был 12-летний мальчик в Артакуле, сын Седлова Максима (мальчику было нанесено 12 штыковых ран), избита была его жена, жена Зязева Л.

В селе Новотроицком избит был Ширяевыми: Щаднев Степан, Харина Прасковья, Черепахина Евгения и другие... Щаднева Степана, избитого, отправили в Бирскую тюрьму, и там он умер. Умер от побоев старик Веселов Герасим. Десятилетний сын Веселова, Митя, был избит белогвардейцем Ладькой Ширяевым. Избитого мальчика Ширяев хотел приколоть штыком, но Митя ловко увернулся, и штык белогвардейца вонзился в стену. Пока белогвардеец выдёргивал штык из стены, мальчик убежал босиком, в одной рубашке и спрятался на сеновал. Ночевал в куче сена в 30-градусный мороз, чуть не замёрз. После этого два дня от испуга совершенно не мог говорить. 16-летний сын накаръяковского Пашкова был убит белогвардейцами около Артакула. Дочь его лет 18-ти возили по селу Накаръяково совершенно обнажённую в трескучий мороз. Так они издевались над теми красноармейцами, которые попадали в плен.

Осетров Ю.Т., Пантелеев Яков, Кидалашев П.Н., Чистякова М.С., учительница Новотроицкой школы, Свицерский Иван Иванович белогвардейцами были отправлены в Бирскую тюрьму, а впоследствии отправлены в Иркутскую. Свицерский не вынес режима белогвардейских застенков и в Иркутской тюрьме умер.

За время гражданской войны кулачество села Новотроицкого, освобождённое из-под ареста и не получившее должного возмездия за участие в избиении советских работников, сочувствовало белогвардейщине и организовывало добровольческие отряды в белую гвардию.

Так боролись кулаки против советской власти, против деревенской бедноты в 1918 году в бывшей Новотроицкой и смежных ей волостях.

Из парт Баи обкома ВКП (б); Комиссия по изучению истории гражданской войны в Башкортостане в 1918 году. Кулацкие восстания в Башкирии в 1918 г. // под ред. А.А. Кузнецова. – Уфа: Башкирское Государственное издательство, 1933 г.